

The background of the cover is a dramatic illustration. It depicts a vast, desolate landscape with rolling sand dunes under a dark, swirling sky. In the center, a large, ancient stone face of a deity or ruler is carved into a cliff. The face has a stern expression and is adorned with intricate, flame-like or feather-like carvings around its eyes and forehead. A small, lone figure is seen walking across the dunes in the distance, emphasizing the scale of the ancient monument.

Вера Петрук

САГА
о
Халпруджи

Тайны
Древних

КНИГА ПЯТАЯ

Вера Александровна Петрук

Сага о халруджи. Книга

5. Тайны Древних

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68801748

SelfPub; 2023

Аннотация

Странные дела происходят в мире, когда Арлинг спускается с гор, чтобы выполнить свою часть сделки, заключенную с Древним. Ему нужно успеть в столицу, но дожди поливают пески Сицилии, наемники со всего света устраивают на него охоту, а старому другу, который ведет караван с секретным грузом, угрожает опасность, ведь не только Арлинг спустился с гор к людям, но и кошмар, пробужденный чужой волей. Вокруг сгущается тьма, тень имана нависает над каждым шагом Арлинга, но он уже не халруджи и не лучший ученик. Арлинг готов бороться за свое человеческое счастье, и к игре старых и новых обитателей мира он присоединится только на собственных условиях. Пятая книга Саги.

Содержание

Глава 1. Пробуждение	4
Глава 2. Еще один лучший	25
Глава 3. Темный солукрай	37
Глава 4. Арена Смерти	56
Глава 5. Гремер	80
Глава 6. Недобрая встреча	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Вера Петрук

Сага о халруджи. Книга

5. Тайны Древних

Глава 1. Пробуждение

Магда стояла к нему спиной и казалась полностью поглощенной ароматическими маслами, которые разложил перед ней услужливый продавец. Арлинг слышал, как ветер играет в ее черных волосах, игриво шелестит ленточками на шляпе и теребит подол юбки. Конечно, в прекрасных прядях его Магды давно поселились белые нити печали, тревог и времени, на ощупь они были жестче остальных волос, но их все еще было мало. Года потрепали черноволосую красавицу из Мастаршильда, однако Арлинг давно жил миром иным, чем тот, что человек привык познавать глазами. Его злил продавец кучеяр, забравший слишком много ее внимания, а также запах благовоний, осмелившийся соперничать с самым неповторимым – ароматом Магды.

Арлингу не нужно было следовать за ней по пятам, он мог остаться у говорливого фонтана, где скучающие мужья дожидались жен, отправившихся за покупками. Кучеяры уби-

вали время за игрой в кости, лениво посматривая на благоверных, которые в сопровождении слуг выбирали зелень, рыбу, яйца или утреннюю выпечку. Магда всегда смеялась над его страхами, называя их глупыми, может, так оно и было, но Арлинг давно уже не полагался на случай.

Магде грозила опасность. Он чувствовал угрозу всем телом, слышал ее крадущуюся поступь среди толпы, знал, что она следит за Фадунгой повсюду, даже ночью в их роскошной вилле в Сикта-Иате, которую подарил им Сейфуллах. В прекрасном саду с вечноцветущими магнолиями, на их ложе с видом на далекий залив, который так радовал Магду, в жарких лучах сикелийского рассвета и, конечно, среди барханов, порой подступавших к стенам их нового дома слишком близко.

Арлинг искал врага тщетно, но не теряя надежды. Он знал, что тот ждал его промаха, секунды, когда слепой отвлечется, чтобы нанести последний удар, нацеленный в самое сокровенное. И даже секунды будет много, ибо враг ведал о каждом его страхе, а страхов у Регарди почти не осталось. «Я найду тебя!» – шептал Арлинг в бархатную темноту сикелийской ночи и слышал в ответ: «А я давно тебя нашел».

Магда отложила в сторону бутылек с жасминовым маслом и попросила замершего от счастья кучеяра принести еще четыре пузырька. Для Арлинга ароматом жасмина давно пропитался весь Сикта-Иат, ведь Магда так любила его. У них были жасминовые простыни, жасминовая еда, жасминовые

слуги, и сама Магда пахла жасмином.

Он почувствовал, что она поворачивается к нему за миг до самого движения. Поднял руки, осторожно обнял за родные плечи, ощущая себя глупо и наивно – впрочем, как всегда, когда Магда на него смотрела.

– Там никого нет, – сказала она, пристально глядя на него снизу вверх. Она всегда была такой маленькой, его Магда. Улыбчивой, настоящей, единственной.

– Кого? – переспросил Арлинг, прислушиваясь к ее дыханию. Почему-то неровному, запыхавшемуся, будто после бега.

– Того, кого ты везде ищешь, – ответила Магда, перестав улыбаться. – Он тут.

Ее палец коснулся его лба, и Арлинг едва не задохнулся, поглощенный жасминовым морем, в которое его вдруг окунули.

Магда оказалась права. Враг поджидал совсем рядом, там, где Арлинг никогда бы не додумался искать. Он рассмеялся хрипло, будто каркая, надрывая пересохшее горло и срываясь на крик. Их голоса слились и уже было не различить, кто нападал, а кто защищался. Арлинг искал змею, не зная, что она свернулась у него на ноге.

Боль, вонь и гулкая пустота – вот те подруги, что встречали его каждый раз, когда прекрасный жасминовый сон разбивался о реальность.

На этот раз он проспал дольше. Хамна уже пришла, сидела

рядом, горячая и молчаливая. Обычно она приходила позже, ее кожа успевала остыть после полуденного зноя, но сейчас от наемницы полыхало жаром. Арлинг пропустил ее приход и от этого чувствовал себя скверно. Ему нужно было хоть что-то контролировать. Хотя бы такую мелочь, как появление человека, благодаря которому они с Магдой еще жили.

– Как она? – прохрипел Регарди. После длительного сна, а вернее, очередного беспамятства голос возвращался неохотно. Впрочем, Хамна давно понимала его без слов.

– Плохо, – коротко бросила она, и ее горячая ладонь решительно уложила его голову обратно на жесткий пол. Поднимать и поворачивать голову по сторонам – то небольшое, что Арлинг мог себе позволить. Хамне его своеволие не нравилось, она была бездушным и беспристрастным лекарем. По мнению Регарди, лично ему врач уже давно не требовался, впору было готовить похоронный обряд. Зловоние, заполонившее его каменный дом – пещеру где-то глубоко в горах Гургарана, не могли победить ни дым костра, который Хамна разводила у входа, ни ветер, заглядывающий к нему в гости, ни жасминовое масло, которым кучейрка с непонятным упорством протирала искореженного Регарди. То гнили его ноги, и Арлинг знал, что никакое лекарство в мире не способно вылечить раны, нанесенные зубами Нехебкая. Попавший в кровь яд медленно разрушал тело и высасывал силы.

Арлинг честно пытался помочь себе с тех пор, как очнулся на полу пещеры много дней и ночей назад. Сначала он считал

время по теням, ползающим у входа, путал их с пайриками и боролся с голосами безумия, звучавшими в голове. Но по мере того как яд распространялся по телу, одной воли уже не хватало, а солукрай, кажется, оставил его. Часы слились с минутами, потерялись в секундах и замерли в одной точке – как его жизнь, которая висела на тонкой нити над бездной, терзаемой ветрами.

Хамна появилась в тот же день, когда он пришел в себя. Как и куда она его затащила, Арлинга не волновало. Пещера была похожа на зев дракона, ограждая вход зубами-наростами и сужаясь в глубину, наверное, до бесконечности. Один подземный тоннель-шкуродерку в своей жизни Арлинг запомнил навсегда. Ведь в конце его ждала Магда.

Сейчас Фадунa лежала в самом узком месте пещеры, как можно дальше от входа и от Арлинга. Так решила Хамна. Она не знала, что именно сразило Фадуну, так как нашла их обоих уже без сознания на одном из горных плато. Арлинг вспомнил о коне не сразу, его мысли были заняты Магдой, но Хамна потом клялась, что никаких животных с ними не было.

Наемница возвращалась из поселения керхов, с которыми договорилаcь о Дие. Кочевники согласились взять девочку-нарзидку к себе. Интуиция редко подводила Хамну, не подвела и на этот раз. Рискнув нарваться на гнев Арлинга, она вернулась поискать его в горах. Если причина скорой смерти Регарди была понятна, то, что случилось с Фадуной,

оставалось загадкой. Ран, следов болезни вроде Бледной спирохеты или других видимых повреждений Хамна на ней не нашла. Магда приходила в себя редко, с трудом двигалась и никого не узнавала, увядая с каждым днем. Однажды она очнулась, подползла к Арлингу, обняла его и долго бормотала на языке, который не понимали ни Регарди, ни Хамна. К вечеру Магда отрубилась снова – у нее поднялся жар, а кожа стала такой сухой и тонкой, что казалось, подует ветер и унесет ее.

Солнце успело три раз заглянуть в его пещеру, но Магда в себя больше не приходила, а состояние Арлинга ухудшалось. Потратив последние силы на препирательства с Хамной, Регарди заставил ее унести Магду в деревню к керхам. Наемница приносила от них еду и какие-то лекарства, которые были ему столь же бесполезны, как притирания и благовония, которыми кучеяры обмазывали и окуривали покойников. Боль давно оставила Арлинга, тело превратилось в заживо гниющий, бесчувственный кусок мяса, зато душа еще кровоточила. Как ни старалась Хамна, но, похоже, вся народная медицина Сикелии была бессильна против змеиного яда Нехеб-кая. Наверное, так заканчивали все, кто поднимал руку на бога.

Арлинг не помнил, сколько отсутствовала Хамна, но убедил себя, что в отличие от него Магде керхи помогут. Очнувшись он от знакомых объятий. Фадунa ничего не весила, но он почувствовал запах ее волос. С трудом подняв руку, он

погладил Магду по голове со всей нежностью, на какую был способен. Вернее, положил ладонь на затылок и позволил ей скользнуть вниз, чувствуя, как на его пальцах остаются волосы Магды – их осталось совсем немного. Магда положила голову ему на живот и снова ушла из этого мира в другой. Так они и пролежали, пока в пещеру не вползла запыхавшаяся Хамна. Арлинг уже понял, что подступ к их убежищу был не из простых, от того тем более было непонятно, как его смогла преодолеть больная Фадунa.

Хамна рассказала, что Магда пролежала у керхов день, а ночью сбежала. Все решили, что ее утащил снежный барс, следы которого видели в округе. Сутки ее искали с охотниками, а потом Хамна вернулась посмотреть жив ли Арлинг, и нашла с ним Фадуну. Беспамятная Магда не раскрывала своих секретов, но впредь ее решили не трогать.

Арлинг попросил Хамну не приносить лекарства. И так было понятно, что она провожает их с Магдой в последний путь, но упрямая наемница все равно вливала в него и Фадуну травяные отвары, чистила ему раны от гноя и протираала его тело жасминовой водой, в которую верила, как в святую.

Если бы у Арлинга имелся хоть шанс, Хамна давно отрезала бы ему ноги. Они оба знали это. Яд проник по всему телу, Арлинг чувствовал налитые жгуты вздувшейся плоти на бедрах, животе, они поднимались к груди, обещая смерть медленную и мучительную. Странно, что она до сих пор не пришла к нему. Наверное, хотела сначала забрать Фадуну.

Хамна больше не поддавалась на уговоры отвезти Магду к людям. Где-то рядом был город серкетов, Арлинг знал, что они не могли уйти далеко, но наемница прикидывалась, что ни о каком городе не знает. Он просил ее догнать войско Даррена и привести помощь оттуда, но упрямая кучейрка отказывалась оставлять его надолго.

Сегодня Хамна пришла без лекарств. Обычно она клала сверток на камень слева от входа, но сейчас ничего подобного Арлинг не слышал. Вполне возможно, что и слух стал ему изменять.

– Магда, – прошептал он.

– Жива, – почему-то тоже шепотом ответила Хамна и обмакнула тряпицу в плошку с жасминовым маслом, изрядно разбавленным водой. Поняв, что Арлинг заметил разницу, кучейрка недовольно пробормотала:

– Керхи ушли. Снялись этой ночью. Только скажи, и я верну девчонку обратно.

Она так и не научилась звать Дию по имени. Да и могла ли быть у девочки-нарзидки лучшая жизнь чем с наёмницей? Может, и хорошо, что она теперь с керхами. Если ее забрали, значит, приняли. И все же, если бы Арлинг не умирал, чувство вины было бы куда сильнее. Дия в него верила. Впрочем, как и многие. Сейчас имело значение одно – верила ли в Арлинга его Магда?

– На самом деле это неважно, – прошепел из темноты голос змея. – Главное, что ты зажег свечу для себя. Во-

да мягкая, она льется через сеть. Живи в окружении луны, вдохновляйся ночной тишиной. Дурных затей время придет, служи мне, и мы станцуем, как тигры, а сверху будет парить дракон.

Нехейбай разговаривал с ним с той секунды, как Арлинг очнулся в пещере. Он оставлял его только во снах – они принадлежали Магде. Индигоый бог и раньше тревожил рассудок Регарди, но никогда его вторжения не были столь безумными. Впрочем, что требовать с мертвого бога. Пустыня наводнена призраками, пришедшими из ниоткуда.

– Замолчи, – прошептал Арлинг, не заметив, что сказал это вслух. Шепот Нехейбая мешал ему слышать дыхание Магды. Оно было неровным, но сердце Фадуны билось сильно.

– Хамна? – окликнул он, поняв, что змей в его голове замолчал. Обычно он утомлял его длинными монологами, но сегодня Нехейбай не был настроен на разговоры.

– Прошло тридцать лун, верно?

Она кивнула. Арлинг услышал шорох ее стриженных волос по воротнику кожаной куртки. Хамна проверила Магду, потом вернулась к своему излюбленному посту у входа и принялась глядеть вдаль. Между камней, похожих на зубы дракона, гудел ветер, мешая Арлингу слышать ее дыхание.

– А сколько еще лун до того, как я очнулся?

– Шестьдесят, – раздался ее приглушенный голос.

– Девяносто, – с трудом подсчитал в уме Арлинг. – Мы

кого-то ждем?

Он готов был услышать какой угодно ответ, например: «Да, твоей смерти», но только не этот:

– Вассхана. Твой учитель велел ждать.

– Вассхана? – не понимаяще повторил Регарди, с трудом вспоминая давно забытое слово. Кажется, кого-то так уже называли в прошлом.

– Его индигового ученика, – безжалостно объяснила Хамна. – Нового.

– Почему? – глупее вопроса было не придумать, но на умные мысли сил у Арлинга не осталось.

– Почему мы его ждем? – хмыкнула наемница. – Потому что за три месяца ты еще не умер, хотя твои ноги так и не зажили. А вот твоя женщина при смерти. И я не знаю, от чего она умирает. Зато он должен.

Одно упоминание Магды лишало Арлинга способности спорить.

– Он поможет ей? Почему так долго?

– Должен был прийти недели две назад, – буркнула Хамна. – Но после того, что там внизу происходит, не удивлюсь, если он задержится еще на месяц.

Арлинг не хотел отвлекаться от главного, хотя слова наемницы так и искушали спросить: что там внизу происходит?

– Учитель знает, что Магда больна? Где ты с ним встретишься?

– Мы не встречались, – разрушила все его надежды Хам-

на. – Он прислал птицу с запиской. Если ты не умрешь через месяц, дать ему знать. Он пришлет вассхана с лекарством. Прошло тридцать лун, я так и сделала. Написала и про твою женщину, так что теперь он знает. На самом деле, я уже нашла хорошую площадку на одной из вершин, чтобы тебя похоронить. Но ты еще жив, поэтому мне даже интересно, сколько ты протянешь. Не думаю, что лекарство вассхана тебе поможет. Моя дорога молчания начнется отсюда.

Арлинг молча с ней согласился. Хамна добровольно приняла обет халруджи, а значит, после смерти господина должна была отдать свою жизнь пустыне.

– Ты говоришь не как халруджи.

– Я говорю, как честный халруджи, – поправила его Хамна. – Мне совсем не нравится встречаться с учениками Тигра Санагора. И если дело было только в тебе, то я бы сварила ту птицу нам на обед. Но я решила, что у нее, – она кивнула, – еще есть шанс. Выглядит она не лучше тебя, но, по крайней мере, не смердит, как живой труп.

Арлинг принял. Ноги, которые он не чувствовал, действительно, дурно пахли. Особенно левая. Может, Хамна была и права. Может, он давно умер, а в пещере остался его призрак, да разлагающееся тело.

– Ты можешь отнести ее к ятопайрам.

О боевой секте, к которой принадлежала Хамна, и из которой она самовольно ушла, когда решила стать халруджи Арлинга, они еще не говорили. Регарди специально произ-

нес правильное название – ятопайры вместо етобаров, чтобы смягчить начало беседы, но его хитроумие слабело вслед за телом.

– Нет, – мотнула головой упрямая наемница.

– Приказ, Хамна.

Бывшая сектантка вздохнула, но продолжила глядеть на мир. Стены пещеры не отражали ее дыхания, оно улетало вместе с ветром, который бушевал снаружи. Арлинг только сейчас обратил на него внимание. Ветер не прилетал давно, а значит, в его жизни скоро наступят перемены. Самое очевидное – она закончится.

– Моих больше дома нет, – после длительного молчания ответила наемница. Регарди отметил все: и слово «моих», и паузу, и напряженный голос. Хамне тяжело далось предательство, для него же до сих пор оставалось загадкой, почему она теперь с ним.

– Они ушли, как и керхи. Я искала Мосанну, хотела спросить, почему ты не умираешь. Дома сожгли, скот забили. Я нашла лишь пепел. Значит, уходили налегке. Второе и третье гнезда тоже оказались пустыми. Старейшины порой рассказывали об Алхас-Кешиде, но кто в него по-настоящему верил? Я полагала, что проживу не одну войну, но, чтобы дожить до исхода, такого не каждому врагу пожелаешь.

В другой раз Арлинг непременно расспросил бы ее, почему она уверена, что на етобаров никто не напал, а они именно ушли, кто такая Мосанна и что за Алхас-Кешид, но лишь

заставил себя глубже вздохнуть и промолчать. Много слов отвлекали его от Магды. Кажется, Фадунa приходила в себя, ворочалась и стонала. Впрочем, она постоянно это делала, и Хамна не отреагировала. Арлинг не стал ее упрекать. То, что происходило сейчас в душе наемницы, ощущалось почти физически. Висело грузным камнем над ее головой, раскачивалось на тонких нитях, не предназначенных для таких тяжестей.

Ветер завывал, пряча в себе иные звуки мира. Арлингу казалось, что он слышит скрежет кошек-трезубцев по камням, крадущиеся движения, осторожное касание и шорох ткани по камню, но ему постоянно что-то мерещилось. Например, то, что по щекам Хамны катились слезы. Ятопайры не умели плакать с рождения. Кучеяры болтали, что им вырезали слезные железы. Совершенно непрактично со всех точек зрения, но народ в Сикелии любил страшилки, впрочем, как и все люди мира.

– Когда наступает Алхас-Кешид, зло и насилие правят миром, – вдруг снова заговорила Хамна. – Дурные времена, разруха, упадок. Люди живут не дольше пятидесяти лет, слабеют их мужество, ум и сила. Нами правят злоба, жадность, честолюбие, мы лжем, забываем богов, долги и совесть. Правители не в силах защитить свой народ, страна идет войной на страну, всякая болезнь поднимает голову, голод, нищета и разруха повсюду.

В другом месте и в другое время Арлинг бы, наверное, с

интересом послушал про зло и насилие от наемницы, которая резала людям глотки, не задерживая дыхания.

– И не спастись? – спросил он только для того, чтобы заглушить бормотание Нехебкая, который, кажется, просыпался. Закономерно, как всегда: Магда возвращалась в сознание, приходил в себя Индиговый, каким-то образом спрятавшийся внутри Регарди.

– Нужно славить и воспевать богов, – произнесла Хамна, окинув Арлинга суровым взглядом. Он его почувствовал, будто ножом полоснули – неглубоко, но кожу разрезали.

– Я даже подумала, что они могли уйти из-за тебя. Ведь это не так, верно?

«Конечно, это не так, Хамна, – согласился про себя Арлинг, – я ведь убил всего лишь большого змея, который вскоре убьет меня». Вслух же сказал:

– Когда люди теряют одних богов, их место быстро занимают другие. Мне кажется, етобары поторопились.

Хамна промолчала, и какое-то время они слушали, как ворочалась Магда, да снаружи заунывно пел ветер.

– Что ты видишь? – наконец не выдержал Регарди. Он не произносил этих слов уже очень давно. Обычно то, что видели зрячие, его не интересовало.

– Я вижу конец мира, – сухо ответила Хамна.

Она хотела добавить что-то еще, но в следующую секунду мир перевернулся.

Грохот, раздавшийся у входа в пещеру, сначала оглушил

Арлинга, а потом звук обрел плоть и, с легкостью подняв его с пола, отбросил в глубину каменной норы, пробудив боль в давно омертвевших ногах. К счастью, сознание угасло до того, как боль превратилась в агонию, и Регарди накрыло темной волной беспомощности.

«Иди со мной до последнего дня», – прошептал змей в его голове, выталкивая Арлинга из омута на поверхность.

В пещере воняло не только гниющей плотью его ног. Дым заполнял пространство до потолка, и в каком-то удаленном уголку его сознания всплыло название: «облачная вода». Соединяясь с воздухом, она давала много едкого дыма, который, впрочем, был неопасен. Шарик с такой водой обычно выплевывали из длинных трубок, а когда пленка лопалась, рождался звук, подобный тому, что слышал Арлинг... мину-ту назад? Или, может, снова канула вечность?

На привычном месте кашляла Магда, пока она была в безопасности. Едкий запах «облачной воды» мешал сосредото-читься, но, по крайней мере, его ноги снова потеряли чув-ствительность, к остальной же боли он привык. Взрыв, ко-гда смесь соединилась с воздухом, отбросил его к стене, где Арлинг так и остался лежать кулем. Некстати вспомнились слова Даррена, когда он еще не был Маргаджаном: «Если я когда-нибудь не смогу подняться, значит, я умер». Тогда, в далекие годы их молодости, эта фраза казалась смешной.

Звон и лязг клинков разбил тишину, вернув его в пучи-ну реальности. Похоже, рубились давно. Дыхание сбилось у

обоих – и у Хамны, и у ее противника. Высокий и крепкотелый, он теснил маленькую кучеярку, Арлинг же не мог разгадать, была ли у Хамны стратегия, либо она просто пыталась выиграть время – роскошь для каждого. Его давно не было у Арлинга, шел обратный отсчет у Магды, утекали секунды пришельца, на ноге которого клинок Хамны оставил глубокий, обильно кровоточащий порез, но и у самой наемницы стрелки часов могли остановиться в любой момент. Арлинг чувствовал плохую рану на ее голове. Ее нанесли не лезвием, то был удар о стену, когда Хамну отбросило взрывом. Они оба умели падать, но Регарди на одних инстинктах удалось спасти голову, а вот етобарке не повезло. Кровь обильно заливала воротник кожаной куртки Хамны, а движения наемницы были рваными и нечеткими.

Чувствовалось, что оба – опытные бойцы с отличной скоростью и реакцией, но рана Хамны оказалась серьезнее – она сводила на нет все ее преимущества. Ей становилось труднее отражать стихийные атаки противника. Парируя удары, она вынужденно пятилась шаг за шагом вглубь их каменного дома – к Арлингу и... Магде.

Наверное, если бы в пещере не было Фадуну, Регарди еще какое-то время плавал бы в тумане собственных кошмаров наяву, но осознание опасности пробудило в нем остатки сил, в которые он давно не верил. Не понимая, что и как делает, Арлинг перевернулся на живот и пополз к дерущимся, чувствуя, как замедляет темп Хамна. Удары в голову всегда

самые подлые, можно иметь здоровые руки и ноги и неповрежденное тело, но малейший ушиб головы мог привести к непредсказуемым результатам. Ко всему двух рук у Хамны давно не было. Когда-то Арлинг сильно усложнил ей жизнь, отрубив кисть. Казалось, это было в прошлой жизни. В любую секунду наемница могла пропустить удар, противник же казался неустойчивым. Рана на его ноге кровоточила все сильнее, но и Хамна потеряла достаточно крови. Сделав выпад, пришелец достал наемницу кончиком клинка, но, разрезав куртку, лишь вспорол кожу, добавив к ее ране еще один солидный порез.

Арлинг не помнил, чтобы раньше в первые минуты драки Хамна допускала столько промахов. Либо удар головой о стену сделал ее калекой, либо... противник относился не к рядовым убийцам. А в том, что в пещеру проник хорошо подготовленный боец, у него не осталось сомнений с того момента, как он услышал взмахи его клинка.

То был не ученик имана, о котором сначала подумал Регарди. И не серкет, мечтавший о возмездии за убитого бога. И не восточный нарзид из армии Даррена-Маргаджана. То был драган, и у Арлинга не имелось ни одной догадки, что человек одной с ним национальности мог делать так далеко от их общей родины. Давно забытой, густо посыпанной пеплом прошлого, но все еще иногда являющейся ему во снах, которые он считал кошмарами, но которые таковыми не являлись.

Хамна проигрывала, Регарди не успевал, и тут пещеру неожиданно прорезал крик, который человеческая глотка издать была не в состоянии. Арлинг дернулся было к Фадуне, потому что звук доносился с ее стороны, но быстро понял, что Магда не ранена, более того, кричала именно она. Хамна и драган кружили совсем рядом, и хотя они были поглощены боем и не относились к людям, которых мог отвлечь посторонний звук, но Магда все-таки хорошо постаралась. Драган по-прежнему теснил наемницу, однако Арлинг уловил заминку, когда тот отвлекся на Фадуну. Это произошло за долю секунды, но Регарди успел. Джамбия, которую он всегда держал под рукой, осталась на прежнем месте, пропитанным кровью, гноем и грязью. Арлинг чувствовал ее так остро, будто лезвие светило ему в темноте. Никаких шансов доползти до клинка не было, поэтому Арлинг решил время не тратить, а использовать то, что имелось рядом. А под руками в изобилии валялось каменное крошево. Зажав осколок породы в быстро слабеющих пальцах, Регарди наотмашь рубанул, больше полагаясь на удачу, чем на боевое мастерство, которое требовало одного незыблемого условия: сил.

Хриплый крик драгана прорезал пещеру, и Арлинг понял, что попал. Противник попытался удержаться на одной ноге, но она уже была ранена Хамной, а вторая вышла из строя, потому что Регарди только что перерубил острым каменным краем сухожилие на щиколотке. Звякнул металл о металл – то Хамна умелым приемом выбила клинок из руки драга-

на. Регарди вцепился в раненную им ногу, завершая начатое и увлекая незваного гостя к себе на пол. Теперь они были на одной плоскости, чего он и добивался. Хамна упала сверху – то ли помогая Арлингу, то ли просто потеряв сознание, но Регарди уже был в своей стихии. Тело действовало на инстинктах, отработанных многолетней практикой. Из всех удушающих приемов он выбрал самый простой. Гортанное удушение с закрытием рта у боевых школ Сикелии называлось по-разному, но техника была одной. Тряпка, оторванная от повязки с его ноги и пропитанная кровью и гноем, была идеальным оружием – она не пропускала воздух. Когда ее вонючая поверхность обмоталась вокруг рта драгана, шансов выжить у того не осталось, потому что Арлинга уже было не остановить. Именно тряпка не позволила драгану вскочить мгновенно и сбросить с себя Регарди. Зловонная жижа не только не давала дышать, но и стекала в горло, вызывая рвотный рефлекс. Драгоценные секунды были потеряны. Их не было и у Арлинга, который больше слышал шипение змея у себя в голове, чем крик противника, но дело оставалось за малым. Удар локтем по гортани сломал кадык и прекратил мучения драгана.

Какое-то время Арлинг еще лежал на нем, пытаясь понять, чье сердце перестало биться: его, Хамны или противника. Биение сердца Фадуны он слышал отлично: Магда с кем-то разговаривала, не обращая внимания на происходящее.

Беспамятство длилось вечность, а может, пару секунд, но, когда Регарди очнулся, Фадуна молчала, вернувшись в мир сновидений. Хамна ушла вслед за ней, а вот драган, к счастью, последовал еще дальше. В эту реальность ему уже не суждено было вернуться.

Сначала Арлинг хотел подползти к Магде, но понял, что не сумеет. Собрав последние силы, он оторвал у драгана рукав и обвязал его вокруг головы Хамны. Жест был скорее ритуальный, так как кровь давно перестала течь. Опасность скрывалась внутри. Если повреждение затронуло мозг, Хамну уже ничто не могло спасти. Когда-то похожее падение пришлось пережить и ему, в результате он остался слепым. Какую карту вытянула наемница, должно было показать время, которого ни у кого из них не было.

В пещеру заглянул осмелевший ветер. Он принес запах дождя и леса. Шум листвы Регарди слышал давно, но догадывался, что яд Нехебкая вызывал у него галлюцинации. Тем более опасные для человека, который жил звуками, запахами и вкусами мира.

– Что там, снаружи? – вопрос слетел с губ, словно пепел с давно обуглившегося куска древесины.

– Наш конец, – охотно ответил змей Нехебкай, который всегда был рядом, когда дело касалось жизни и смерти.

Арлинг согласился с ним и, наконец, скатился с драгана, который больше не вызывал вопросов. Прошрое рано или поздно тебя догонит, предупреждал учитель. Кто бы знал,

что это случится именно сейчас. В рукаве, который он оторвал от рубашки врага, ничего странного не было – обычный кусок ткани. Если не считать тесьмы, вшитой в манжет. Многие наемники прятали в одежде такие шнурки для удушения жертв, но только один известный ему орден убийц делал их не из прочного шелка, а из волокон коры арвакского дуба. Если попытка удушения срывалась, и жертва все-таки убегала, дни ее были сочтены. Сок коры арвакского дуба, которым пропитывали тесьму, убивал медленно, но верно.

Девятый отдел Императорской Канцелярии Согдариин славился тем, что о нем обычно ничего не слышали. Наивысшее достижение в грязном деле, которым когда-то занимался и Арлинг – когда тебя не видят вплоть до того момента, пока не умирают от твоей руки. У Педера Понтуса, известного палача Согдариин, возглавлявшего Канцелярию, до сих пор получалось не выделяться среди боевых организаций мира. Даже иман редко его упоминал.

Регарди не знал, каким образом убийца из Девятого отдела нашел его спустя почти двадцать лет, как Арлинг сбежал из Согдариин, но подозревал, что несчастный сильно просчитался, отправившись убивать сына Канцлера в одиночку. Или ему о чем-то не рассказали, или слава шпионов Педера Понтуса была преувеличена. Неумно соваться в одну нору с етобаром, Видящей и тем, кто потерял ориентир, но остался верен учению Махди, впитавшемуся в каждую каплю его крови.

Глава 2. Еще один лучший

– А я бы сейчас супчика из баранины отведал, – со смаком произнес молодой голос. – И перчика бы туда побольше!

– Баранина дорогая, в школе ее уже много месяцев не закупают, жадничают, – подхватил собеседник. – Хотя вот рисовая похлебка с помидорами весьма недурной у Клячи получалась. Да я бы и от чечевичной каши не отказался. Все лучше, чем сухомятину грызть. И почему Керк запрещает разводить костер? Мы в этих горах одни на сотню арок вокруг, все разбежались.

– Еще бы они не разбежались, – протянул первый кучеря. – Такое творится... Но людей здесь нет, говорят, даже керхи последние ушли. Легче пуму или барса встретить, чем человека. А ведь какой город был, столько людей!

– Что-то я не слышал, чтобы в горах пумы водились. Болтают все, – вмешался третий голос, звучавший тоньше и выше. Он явно принадлежал еще подростку.

– Может, и болтают, но два каравана отсюда не вернулось.

– Да помню я, что там говорили. Их самум в пути застал, спрятаться не успели, а трупы потом гиены да волки погрызли. Хищников в Карах-Антаре сейчас больше, чем песка.

– А еще болтали, что тела растащили так далеко, что даже на гургаранских подножьях их потом находили. И жрать

мертвечину никто не стал. Пума, может, и брезгливая, а вот гиены да собаки дикие – тем все равно, они на разную падаль охочи.

– Сказали пумы, значит, пумы, – недовольно пробурчал тот, кто мечтал о бараньем супе. – Лучше делом займитесь. Керк в прошлый раз был недоволен, что траву плохо размолоти. Слепой может подавиться.

– А вдруг все из-за него? – не унимался второй собеседник. – Вдруг правда, что он Нехебкая убил? Ну, который Индиговый...

– Смотрю, тебе заняться нечем, Каюм, – раздался спокойный, чуть с хрипотцой голос, и по внезапному напряжению собеседников стало понятно, что появился тот самый Керк, который тут командовал. – И нет, не правда. Я же вам рассказывал. Этот драган по глупости задушил любимого змея Подобного. Это случилось как раз накануне вторжения серкетов из Пустоши, после чего они разгромили город. Небылицы рождаются на пустом месте. Подобный выжил из ума, держал целый серпентарий и периодически называл любимчиков нехебкаями. Чтобы больше я такого бреда не слышал. У нас мало времени, скоро придут етобары.

Арлинга вдруг позвал Нехебкай и пришлось вернуться туда, где в последние месяцы он проводил большую часть времени – в небытие. А так хотелось послушать об остром бараньем супе, вкус которого он прекрасно помнил, потому что его любили все караванщики, и Сейфуллах в особенности.

А еще было интересно узнать, какими слухами жили люди после разгрома царства Подобного, и зачем должны были явиться етобары.

Интуиция подсказывала, что Керк был тем самым вассханом, которого прислал учитель, а говорившие – младшие ученики. Нехебкай вечно вмешивался невовремя.

– Ты заметил, что Магда дышала ровнее? – спросил Индиговый, мешая ему всплыть на поверхность. Да, Арлинг это заметил, как и тысячу других деталей и подробностей, которые ему сообщил солукрай до того, как он снова потерял сознание.

Они находились в другой пещере – ветер шелестел по поверхности камня иначе, у входа не ощущались «зубы дракона», с потолка то и дело осыпался песок. Пять человек сидели у незажженного костра. Все молодые кучеяры, крепкие, подтянутые, умеющие двигаться бесшумно, знающие, что делать со своим телом. Но умы у них были еще незрелые, значит, в Школе провели только год или два. Наверняка они воспринимали происходящее как наказание, хотя, может, так оно и было. Воспитательные методы у имана всегда были странные.

Магда лежала неподалеку и, казалось, просто спала. Никакого прерывистого дыхания, биение сердца ровное, поза спокойная. Хамну он нашел снаружи у входа. Она лежала на камнях под навесом – видимо, даже раненый етобар внушал молодым ученикам опасение. От нее пахло молоком, медом

и земель – легко узнаваемое сочетание ароматов журависа. Значит, наемницу накачали наркотиками. В отличие от Магды Хамна то и дело шевелилась, дергалась, будто пытаюсь очнуться, но, возможно, при ее ранении журавис был необходим. Арлинг слышал, что керхи широко использовали его при травмах головы.

Тот, кто привел сюда молодых учеников, сидел как раз рядом с Регарди. Арлинг успел перехватить его руку, когда ему снова попытались приоткрыть рот. На губах отчетливо ощущался горький вкус ясного корня, змеевика и заразиhi, самых ядовитых трав Сикелии, которые могли как убить, так и вылечить. Оставалось надеяться, что ученики Школы Белого Петуха растирали в своих ступах не эти травы.

– Очнулся наконец, – вместо приветствия произнес тот, кого называли Керком. – Мне бы столько спать. Хватит уже, третий месяц заканчивается.

И будто прочитав его мысли, добавил:

– Пей тогда сам, сбор иман готовил. Ему же ты еще доверяешь?

Арлинг молча отстранил его руку с чашкой и прислушался к ощущениям. Пробуждение прошло незаметно, словно он очнулся после легкой полуденной дремы, а не от тяжелого омута кошмаров. Такого раньше не случалось, реальность обычно принимала его с ненавистью, тело отвечало ей тем же. А сейчас... сейчас он чувствовал тупую боль в ногах там, где неправильно срослись кости. Ему не нужно было себя

рассматривать, чтобы понять, что левая нога от колена похожа на палку, побывавшую в зубах пса. Ступня на прежнее место не поворачивалась.

— Что с Магдой? — спросил Регарди, чувствуя, как с трудом ворочается язык. Может, иман и постарался с лекарством, но побочные действия снадобья учителя редко когда интересовали.

— А вот это зависит от тебя, — голос Керка внезапно стал серьезным. — Что ж, раз готов поговорить, давай. Каюм, Дардан, Элти! — окликнул он. — Найдите еще двух балбесов и отправляйтесь в обход. Да, все пятеро. Я уйду на закате, хочу успеть до грозы.

— Но там... — начал было один из учеников, однако вовремя замолчал. Нет, вряд ли у них три года. Хорошо, если первый год в школе закончили. Или с дисциплиной в Школе Белого Петуха стало совсем плохо. Арлинг не помнил, чтобы приказы старших когда-либо обсуждались.

Впрочем, малолеток он понимал, потому что давно прислушивался к странным звукам, доносившимся снаружи пещеры. Судя по грохоту, раздающемуся сразу за порогом и дальше, насколько хватало воображения, с высоты они спустились, потому что пещера смотрела прямо на равнину. Из всех мыслимых звуков на ум приходило только одно сравнение. Снаружи гремел не просто дождь, а настоящий ливень, да еще и с градом — то, чего в Карах-Антаре не случалось никогда. Струи, падающие с неба, обрушивались не в песок,

что обычно превращало все вокруг в непроходимую грязь. Они били упруго, с треском барабана по твердой поверхности, будто, пока Арлинг спал, пески самой засушливой пустыни кто-то прикрыл брусчаткой и камнем. Впрочем, если местность еще можно было как-то объяснить – все-таки Гургаранский хребет славился своей непредсказуемостью, в том числе необычным подножием, то дождь ощущался абсолютно нереально. Арлинг поверил бы в него в Восточном Такыре, Фардосских степях или в Маленькой пустыне, но не в самых смертоносных землях Сикелии.

– Да, льет уже второй день, – опять прочитал его мысли Керк. – То ли еще будет. Ладно, давай по-быстрому все решим, пока эти идиоты там мокнут.

Не был он похож на вассхана. Впрочем, что Регарди знал об индиговых учениках имана. Только то, что обычно они плохо заканчивали. Странно, что ревность, которая вначале уколола так больно, кажется, шипы свои обломала. Он ничего не испытывал к этому Керку, даже благодарности. У всех лекарств учителя обычно имелась обратная сторона. За лечение больные потом сурово расплачивались.

– Начни с нее, – прохрипел Регарди, кивнув в сторону Магды. – И как Хамна?

– Начну, с чего и с кого хочу, – оборвал его Керк, и Арлинг понял, что сотрудничества у них не выйдет. – Умудрился же ты связаться с етобаркой. Хорошо, что свои согласились ее забрать. Я уже к их приходу не успеваю, но ты с подругой по-

прощаться успеешь. Неумно заводить таких друзей, драган.

– Неумно стоять в полный рост, – парировал Арлинг, не совсем уверенный, что Керк его понял. Но тот догадался.

– Я не соперничать с тобой пришел, вассхан, – глухо произнес он, поставив чашку с отваром у головы Регарди. – И мишень здесь отнюдь не я. Мы все исполняем волю учителя. Даже предатели.

Беседа началась плохо, воздух в пещере стал плотным, густым, еще немного, и ножом можно резать. Вассхан Керк и вассхан Арлинг ни в какой реальности не могли стать союзниками.

– Жаль, что мы с тобой никогда не окажемся на Огненном круге, – произнес Керк, и в голосе его звучало то, что Регарди ненавидел больше всего. Жалость.

– Может, ты и не выбирал эту дорогу, но в любом случае уже прошел по ней. От тебя сейчас ничего не зависит. Непривычно, правда, драган?

– Так сильно не любишь драганов? – хмыкнул Арлинг. – Уверен, что мы раньше не встречались? Мне приходилось надирать задницы первогодкам. В отличие от имана учитель из меня паршивый. Я, конечно, уже и забыл, а у тебя, вот, на всю жизнь травма.

Керк выдержал, хотя Регарди отчетливо услышал, как дернулась рука кучеяра поблизости. Бить слепого, да еще и калеку на пороге смерти – последнее дело. Поэтому Керк ответил так, как и полагалось вассхану.

– Слушай и запоминай, – процедил он, удержав эмоции при себе. – Я передаю волю учителя и повторять не стану. Это единственная причина, по которой я здесь. У тебя неправильно срослись кости, и ты это знаешь. Но это не самое страшное, верно? Ты отравлен ядом, с которым человеческая медицина справиться не может. Однако учитель все же попытался и приготовил противоядие. Если оно подействует, ты сможешь ходить на костылях. Вот, держи, – в пальцы Арлинга вложили тугой мешочек. – Я тебе его еще не давал. Иман сказал, что прием снадобья должен быть осознанным решением. Ешь его сколько хочешь, так он и передал. Его еще ни разу не пробовали на людях, все зависит только от тебя.

Арлинг не смог сдержать горькой ухмылки. Учитель был так узнаваем. Его любовь к экспериментам была слишком хорошо известна.

– А если не подействует?

– Тогда я вернусь через две недели и отрежу тебе ноги, – ровным тоном произнес Керк. – Таково распоряжение имана. Не волнуйся, я прошел необходимую подготовку. Если этого не сделать, ноги со временем снова начнут гнить, и тогда тебя уже ничто не спасет. Пока меня не будет, младшие ученики тут присмотрят. Не волнуйся, ты еще поживешь.

– И ради чего?

– Ради кого, – поправил его Керк. – Иман недоволен, что ты сделал все неаккуратно, и из-за тебя пострадала Видящая.

Можешь не верить, но она болеет из-за тебя. Ты позволил Нехебкаю себя укусить. Пусть то и был просто гигантский змей, в которого верил Подобный, но Видящая думает, что ты убил Индигового бога. И поэтому болеет. Она верит, что вместе с ядом в тебя вселился умерший бог, и теперь ты заражен Нехебкауем.

Смысл слов Керка дошел до Арлинга не сразу. Значит, вот почему иман не пришел сам, а прислал нового вассхана. Что ж, вполне в духе Тигра Санагора. Если учитель злился, то редко говорил об этом прямо. Но если Магда верит, что в теле Арлинга яд не обычного септора, пусть и переростка, а самого Нехебка, не логичнее было бы лечить Видящую, а не Регарди? Почему иман не приготовил особого лекарства для нее? Что ж, у Арлинга тоже были причины быть недовольным иманом. Хотя бы за то, что тот прятал от него Магду. Чем дольше он думал об этом, тем опаснее становились его мысли, и Регарди поспешил перевести внимание на Керка. С ним-то хоть все было понятно.

– А сам ты как думаешь? – спросил он, внимательно ощупывая мешочек, переданный учителем. Травы в нем ничем не пахли. Будто тот, кто их готовил, особенно постарался, чтобы снадобье не мог распознать человек даже с очень тонким обонянием.

– Я думаю, что мир уделяет тебе слишком много внимания, – фыркнул Керк, поднимаясь на ноги. – Я здесь не для того, чтобы высказывать свое мнение. Его ты и так знаешь.

Я передаю волю и слова учителя. Ты должен изгнать из себя Нехебкаю, и тогда Видящая поправится. Даже если лекарство не поставит тебя на ноги, и мне придется их отнять, Магда поверит, что яда в тебе больше нет, и излечится сама.

– Твои слова да Нехебкаю бы в уши, – прошептал Арлинг, чувствуя, как зашевелился в нем непрощенный гость.

– Я все и так слышу, – прошептал Индиговый, и Регарди дернулся, не желая, чтобы Керк становился свидетелем его внутреннего сражения. Не иначе как борьбой за рассудок его разговоры с Нехебкауем не являлись.

– Значит, для Магды учитель ничего не передал, – уточнил он.

– Нет, – покачал головой Керк. – Ее лекарство – это ты. Когда мы с тобой закончим, вы с ней должны покинуть Си-келию. Это приказ имана. Не пойдете добровольно, вас отведут насильно. Здесь вам оставаться нельзя. Для тебя и так сделали большое исключение, драган. Вы перейдете хребет Гургарана и останетесь жить в Дождливой долине, где иман приготовил для тебя дом. Почетная старость, о которой редко кто может мечтать. Насчет ног не волнуйся. Тебе, калеке, конечно, помогут. Все, что потом будет от тебя требоваться – сидеть тихо, пока не сдохнешь.

А ведь на какой-то миг Арлинг поверил, что его все-таки отпустили. Бывших учеников имана не бывает. Они либо умирали сами, либо их убивали. Значит, вот его путь – изгнание.

– Это из-за него? – Арлинг кивнул наверх, туда, где по его представлениям, находилась предыдущая пещера с убитым им драганом.

– Снова воображаешь. Обычный наемник серкетов, желающий отомстить за убитого бога, – как-то слишком небрежно отмахнулся Керк. – Мы просто не успели. Прости. Но я знал, что етобар справится и не даст тебя убить. Учитель бы расстроился, я его знаю.

– Хамна моя халруджи, – Регарди решил, что тему нужно срочно переводить. – Ее нельзя отдавать етобарам. Она принесла клятву.

– Значит, перережет себе глотку, как любой халруджи, предавший господина, – хмыкнул Керк. – Неужели ты думаешь, что мне есть до нее дело? Учитель велел отдать ее етобарам, я всего лишь исполняю его волю.

– Хороший песик, – выдавил из себя Арлинг, к которому в голову настойчиво лез Индиговый бог. Кажется, он хотел что-то сказать.

На секунду ему показалось, что Керк его все-таки ударит, но вассхан сдержался. Наверняка это было нетрудно. Перед ним валялся не ровня – всего лишь калека.

– Если хочешь что-то передать учителю, самое время, – сухо произнес Керк, направляясь к выходу. – Пятеро оболтусов останутся с тобой до моего возвращения. У тебя две недели, чтобы сделать правильный выбор. Знаешь, как я бы поступил на твоем месте? Ты слепой, но, говорят, читаешь

жесты, как видишь.

Керк поднял палец к горлу и провел им от уха до уха. Арлинг оценил его юмор.

Было время, когда он хотел столько всего сказать иману. Печально, что в горах Гургарана эти желания потерялись.

С трудом развязав мешочек, он обмакнул палец в порошок, а потом тщательно его облизал. Никакого вкуса. Если бы Арлинг не ощущал мельчайшие частички трав на своей коже, то решил бы, что трава с пальца осыпалась. Все в мире имело вкус, цвет и запах. Все, кроме лекарства имана.

– Молодец, драган, правильный выбор, – похвалил его Керк. – Делай, как велено, и проживешь еще лет пять. А может, и десять. Иман сказал, что больше ты не протянешь. Но это будут прекрасные годы наедине с любимой женщиной. Кажется, ты всегда этого хотел?

И он ушел в дождь, оставив Регарди наедине с его мыслями. И с Индиговым богом, голос которого звучал в голове бывшего вассхана все громче.

Глава 3. Темный солукрай

Как кишка горного ахара, тянулась для Арлинга та ночь. Он лежал и слушал темноту, пытаясь не думать о словах вассхана Керка и песнях Нехебкая, которые тот затянул в его голове с уходом кучеяра. Дождь закончился, но рассвет все не занимался. У Регарди разыгралось воображение. Ему казалось, что по небу разлетелись рваные клочья уже опустошенных туч, а горизонт налился кровью, предвещая недобрый восход извечного палача – солнца. «Кто не дышал воздухом гор, не познал вкуса жизни», говорил учитель. Арлинг готов был с ним не согласиться. Сейчас он не чувствовал ничего.

Из чего бы ни было изготовлено снадобье, которое должно было волшебным образом исцелить его и Магду, эффект пока был только один: Регарди все слабее чувствовал окружающий мир, заменяя образы реальности воображаемым миром. Даже голос Нехебкая, к которому он почти привык, ощущался слабее. Лишь собственное дыхание Арлинга нарушало спокойствие, в которое, как кокон, заворачивал его чудесный порошок.

Он не сразу услышал возвращение учеников, которые, галдя, ворвались в пещеру, стряхивая с мокрой одежды брызги. Грохот падающих на каменный пол веток извещал об одном – Керк ушел, а молодые кучеяры замерзли и хоте-

ли согреться. В пещерах всегда холодно. Регарди привык, у них же зуб на зуб не попадал. Думать о том, откуда они взяли столько древесины, и кого именно боялся Керк, запрещающий разводить костер, не хотелось. Казалось, все силы ухили на то, чтобы вдохнуть, а потом выдохнуть. Что-то не то творилось с его телом, но иман всегда знал, что делал. Разве мог Арлинг сомневаться в нем после того, как учитель ему помог.

«А ты уверен, что он делал это для тебя?», – пробился сквозь пелену морока голос Нехебкая.

На ум пришел сто и один ответ, но тут кто-то из учеников приблизился и слегка пнул по искореженной ноге Регарди. Боль не появилась, но захотелось смеяться, и Арлинг задумался, не спрятан ли за безвкусицей лекарства журавис? Со знаменитым дурманом Сикелии у него были напряженные отношения.

– Жив, драган? Прости, не могу вспомнить твое имя. Только не помогай мне в этом.

– Не лезь к нему, Блай, – окликнул подошедшего другой ученик, явно оставшийся за старшего. – Лучше воды принеси. Керк сказал, что его надо мыть почаще. Бадья у входа уже полная.

– Тратить на драгана воду преступление, – процедил Блай. – Пусть она и льется с небес вторые сутки. Расслабься, Каюм, и не командуй. Эта драганская собака жива уже третий месяц. Перед приходом Керка и помоем.

– Дождь в Карах-Антаре – это пайрикова вода, – вмешался в разговор третий. – Нельзя к ней прикасаться. Мы все ею испачканы, надо молиться.

– Кому? Нехебкаю? – снова фыркнул Блай. – Да он мертв.

– Или ты несешь воду, или отправляешься наружу под пайрикову воду! – не выдержал и повысил голос Каюм.

– Да, а еще к пумам!

Все вздрогнули, потому что последнюю фразу произнес женский голос.

Арлинг, который равнодушно слушал препирательства учеников, тоже очнулся, мгновенно забыв советы Нехебка, подстрекавшего ответить молодым кучеярам делом, а не словом.

Видящая тем временем поднялась и, подойдя к выходу, села на камень под удивленными взглядами учеников. Ни на кого не обращая внимания, она принялась насвистывать, наблюдая за краснеющей полоской на горизонте. Злой южный ветер подпевал ей, словно усмиренный зверь, на миг забывший свою чудовищную сущность.

Религия имана наделила Фадуну чертами легендарной Видящей. Странно, что новый вассхан, признавая это, категорически отвергал возможность существования Нехебка в гигантском змее серкетов. Сейчас Арлинг был готов поверить во все что угодно, но больше всего – в чудодейственную силу имановских препаратов. Вассхан Керк мог нести какую угодно чушь, но правда была в том, что Магда самостоятель-

но поднялась впервые с того момента, как Арлинг очнулся.

— Там в дожде не только пума, — довольная тем, что привлекла внимание, продолжила Видящая. — Там дикий кабан нашел прибежище среди газелей. Скотина расплодилась на радость охотникам, да не знают те, что в ней живут бесы. Лжебогословы и еретики-сектанты отбирают хлеб детей, а владеющий золотом невольник — кукла в руках тайных сил! Там они все, — палец Фадуну ткнул в истекающей влагой потолок пещеры, — наверху. Уже ползут сюда. Отойди от него, Блай, или тебя съедят следующим. Зря вы положили ее снаружи.

Что заставило Блая послушаться Фадуну, а не своего старшего товарища, неизвестно, но на то она и Видящая, чтобы беречь молодые умы. А может, последние слова были единственно понятными, потому что речь Магды обычно редко кто мог разобрать.

Кучеяр поспешно отошел от Арлинга и встал рядом со своими, которые в нерешительности замерли, поглядывая то на выход, в сторону темного навеса, где лежала Хамна, то наверх, где в толще породы дремала первая пещера, откуда вынесли Арлинга. Дождь стал слабее, но Регарди слышал, что с Хамной все в порядке, она дышала. А вот ученики видеть ее не могли, потому что кровавую поступь рассвета прекратили вновь набежавшие тучи. Светлеть перестало. Вдали грохотало и гремело, все больше убеждая Арлинга в иллюзии, что за порогом пещеры — вечно дождливый Мастаршильд,

но никак не самая засушливая пустыня Сицилии.

– Всякий человек – невольник гремера, – Магда встала и принялась медленно кружиться, расставив руки в стороны. – Всякий, кто слабость проявлял, под мою власть попал. Я его в зверя обратила и зверя в него вселила. Знайте об этом! Боги не могут жить в душе человеческой – и об этом тоже знайте! В самые черные ночи придет за вами гремер, и нет никого ни на земле, ни на небе, кто найдет от него спасение. Слабость наша в роде людском. Люди злее ветра гиблого и злее богов, злее даже самого рока! За это и погибнут.

– Что ты несешь, ведьма? – не выдержал первый Блай. – Прекрати!

– В пустыне ничего нет, но есть... пума! – рассмеялась Магда и, перестав кружиться, пошла на Блая. – Давай разжигай свой костер, так им будет легче тебя найти. Но если хочешь еще быстрее, лучше выйди под дождь. Мокрый, ты вкуснее.

Что там сказал иман про волшебный порошок без вкуса и запаха? Что его можно принимать сколько угодно? Время давно не было на стороне Регарди, не стоило искушать его промедлением. Кучеяры нервничали все сильнее, Магда будто этого не замечала, а он по-прежнему валялся кулем, не способный прийти ей на помощь. Если Фадуна затеяла игру, ей следовало сперва рассказать ему о правилах. Хотя, должно быть, она знала, что это бесполезно, так как правила для Арлинга обычно существовали для того, чтобы их нарушать.

Подняв руку с заветным мешочком, Регарди собирался было высыпать в рот изрядную долю снадобья, как вдруг понял, что Фадуну у входа больше нет. В мире было мало людей, способных вырвать что-то из пальцев пусть и бывшего, но все же вассхана Тигра Санагора, однако Магде каким-то образом это удалось. Вероятно, ей помог ветер, сговорившийся с Нехебкаем в его голове. Пальцы на удивление легко расстались с мешочком, который, оказавшись в руках Фадуну, пропутешествовал по пещере до выхода, где превратился в разорванные клочья, не способные удержать в себе ничего. Чудесное лекарство имана без вкуса и запаха унес ветер, который, конечно, всегда был на стороне Видящей.

– Вон он! Гремер прямо за тобой! – закричала Магда, указывая за спину стоящего ближе всех к выходу Каюма. Тот подпрыгнул, выхватывая джамбию на лету, обнажили клинки и другие кучеяры, тщетно вглядываясь в темноту. Ошарашенный поступком Фадуну и осознанием, что только что лишился волшебного снадобья, уже подарившего ему надежду, Арлинг сел, не сразу осознав, что за долгое время вперые смог сделать это самостоятельно. «Нет в том для тебя никакого страха, если корни свои ищешь», – прошептал в голове Нехебкай, но Регарди отмахнулся от него, тоже прислушиваясь к тому, что творилось снаружи. Не было там никакого чудовища. Лишь Хамна беспокойно ворочалась, чувствуя приближение бури.

– Нет там чудовища! – повторила Магда его мысли. – Шут-

ка, ха-ха.

И будто не чувствуя, что гремер, о котором она говорила, уже появился в пещере только не в образе пумы, а в виде молодых кучеяров, в душе которых закипали океаны ненависти, Фадуна повернулась к Арлингу и, ткнув в него пальцем, сказала:

– То, что сделаешь, на моей совести. Тигр не враг, но не выбирай его. Выбирай меня. Неважно, что происходят вокруг, важно то, что внутри тебя. Кто внутри. Слушай его. Дружи с ним. Освободи его. И не ешь больше всякую дрянь. А ты, – ее палец переметнулся с Регарди на Блая, – можешь начинать. Потому что он, – она кивнула в сторону Арлинга, – тоже готов.

– Сучка драганская! – взбеленился Блай, которого словно спустили с поводка. Размахнувшись, он влепил Магде пощечину, от силы которой та отлетела вглубь пещеры, упав между сидевшим на полу Арлингом и группой учеников, ужас которых стал почти физическим явлением. Потому что одновременно с падением Фадуны снаружи кто-то захохотал, и голос этот не мог принадлежать человеку.

Магда не поднялась, а кучеяры не успели понять, кто смеялся над ними под дождем так близко от пещеры, ведь в тот момент, когда голова Фадуны коснулась руки Арлинга – он каким-то чудом сумел броситься к ней, чтобы рухнуть на пол вместе и не дать Магде разбить затылок о камни, – в тот миг внутри самого Арлинга разлилась глубокая тишина, среди

таинственного покоя которой он вдруг услышал музыку.

Поначалу он принял ее за отвратительный голос южного ветра, пробирающегося в расщелинах гор и пустотах пещер и обычно предвещающего беду, но по мере того, как стихал ветер во внешнем мире, пение в голове Регарди становилось четче и звучнее. Странная мелодия пробуждала в груди уныние и одновременно дикую страсть, говорила о неведомом, навевала тайну о жизни и смерти. То отдалялась и исчезала, то опять звучала с новой силой. Голова шла кругом от этой тоски и страсти. Подчиняясь неведомой силе, Арлинг шевельнулся и пополз к выходу из пещеры, не замечая ни Магды, ни учеников имана, которые все внимательно слушали песню, звучавшую внутри него. Даже эхо с небесных вершин Гургарана откликнулось на его призыв, который потом подхватили черные глотки пещер и опрокинули в долину колдовским шквалом новой порции дождя. Закружились в пляске пайрики, а после и таинственный смерч поднял Арлинга в небеса, унес в прошлое, обнажив величайшую тайну, которую он ощущал непрестанно и никогда не мог постичь. Тайна жизни и мертвых, тайны пустыни и гор, тайна темного солукрая, о котором не писал даже Великий Махди, но о котором шептались серкеты.

Тучи расступились, и зной мгновенно обжег ладони, цеплявшиеся за камни. Марево солнца поднялось внезапно, и земля Карах-Антара будто закипела, отпуская из себя воду. Всякое начало, всякий путь, всякое время имеет свой конец,

и эта ночь тоже окончилась. День начался и замер.

Замер и Регарди, до которого не сразу дошел ужас содеянного. Темный солукрай выплеснулся так легко, будто всегда ждал лишь его зова. Не понадобилось многолетних тренировок, изнурительной практики и сложной теории. Все произошло мгновенно – за тот миг, пока ресницы смыкаются, чтобы моргнуть. Арлингу редко бывало страшно, но сейчас сердце зашло в панике, когда чувства, которыми он привык познавать мир, рассказывали о том, что случилось в пещере.

Пятеро учеников имана сидели на полу, раскачивались из стороны в сторону и пускали слюни. Один подражал горному ахару, другой изображал маленькую птичку майну, третий не иначе, как представлял себя пумой. Молодые кучеяры рыкали, охали, хрюкали, хлопали в ладоши, тыкали друг в друга и пытались разговаривать, но могли лишь лепетать. Сознание уступило место безумию, и, пожалуй, то было страшнее, чем физические увечья.

Магда тоже мало чем отличалась от учеников имана. Но помимо безумия, которое всегда дружило с Фадунной, с ней случилось что-то еще. И это «еще» пугало Арлинга больше всего на свете. Оно незримо обволакивало фигуру Видящей, предупреждая о грядущем.

Магда выбросила лекарства имана, спровоцировала кучеяров, а потом и темный солукрай. Видящая начала свою игру, Регарди оставалось либо стать ее частью, либо начать соб-

ственную.

«Выбери меня», – прошептал в голове голос Нехебкая, и Арлингу впервые не захотелось его прогонять.

– Мы все исправим, – убеждал его Индиговый, пока Регарди, держась за каменные стены, пытался выйти из пещеры. Руки слушались, иногда в них даже чувствовалась, пусть и не скорость, но бывшая сила, зато ноги превратились в костыли, которые можно было с трудом передвигать. Причем зачастую с помощью тех же рук. Если правая двигалась и сгибалась, то левую приходилось волочить за собой или опираться на нее, как на палку. И тем не менее он встал. Сам. Оставалось глотать досаду, потому что лекарство имана подействовало в короткие сроки и можно было только гадать о чуде, которое могло свершиться.

Сначала он дойдет до входа, наберет воды и помоеет Магду, потому что Видящая не иначе как обмочилась. Если обоняние, конечно, еще не подводило его. С рассудком Фадуну творилось примерно то же, что и с разумом младших учеников, но Магда хотя бы иногда разговаривала. Она непрестанно болтала обо всем, что видела, в бесконечных подробностях описывая камни, дождь и ветер – все, что сейчас наполняло ее мир. Иногда у нее текла из носа кровь, но больше Арлинга беспокоила ее кожа. Она стала не только сухой и горячей на ощупь, но местами как будто покрылась чешуйками. Хотя, возможно, ему показалось. Когда он попытался снять пару чешуек с ее кожи, Магда болезненно вскрикнула.

Регарди обнял ее и долго укачивал, пока Фадуна не успокоилась, вернувшись к прежнему занятию – к разговору с непогодой.

Хотелось забиться под камни и умереть, но Арлинг запретил себе малодушие. Пусть в его голове и шептал безумный бог, и Регарди уже давно не мог назвать себя нормальным, но слова Индиговый говорил верные: он все исправит.

– Мы все исправим, – повторил Нехебкай, довольный, что Арлинг, наконец, слушает его, а не прогоняет. – Если договоримся.

– Никаких сделок не будет, – прошептал Регарди, стиснув зубы, потому что безболезненно перетащить левую ногу через камни на пороге не удалось. С каких пор ссадины на коже стали так раздражать? Наверное, с тех самых, как мир стал звучать глуше.

– Она ведь все правильно сделала, – тем временем бормотал Нехебкай. – Какой интересный выбор, не так ли? Остаться калекой, но сохранить чувства, которые тебе подарил солукрай, или вернуть себе движение, но перестать ощущать мир? Это выбор без выбора. Либо ты делаешь, что должен, либо делаешь, что нельзя.

– А ты когда-нибудь думал, что выбора может быть больше, чем два варианта? – огрызнулся Арлинг. – Как ты мог допустить такое?

– Допустить что? – притворился не понимающим Индиговый.

– Темный солукрай. Это все из-за тебя.

– Ну, конечно, из-за меня. И дождь в Карах-Антаре тоже. И тот драган из Девятой Канцелярии, которого ты убивал позорно долго. А еще Магда умрет, если ты повторишь то, что случилось десять минут назад.

– Нет!

– Вообще-то, весь солукрай придумал я, Совершенный и Великолепный. Так что не спорь. А если бросишь этих пятерых недоумков, я никогда не стану с тобой сотрудничать. И после этого ты в лучшем случае превратишься в Фадуну, потому что я погружу тебя в пучину безумия.

Арлинг наконец выбрался из пещеры и замер, оглушенный переменами, которые ощущались внутри, но теперь обрушились на его остатки восприятия с силой самума. Сверху возвышалась громада пещеры, он чувствовал, как расходились в стороны горные вершины, загибаясь к земле вопреки законам природы. Нехебкай мог ему не угрожать, безумие и так дышало Арлингу в затылок. Дождь превратился в морось, которая мелко сеяла по натянутому над Хамной пологу. Страх молодых кучеяров перед етобарами уберег ее рассудок. Похоже, темный солукрай задел только тех, кто находился внутри пещеры. Хамна дышала спокойно, и от нее по-прежнему пахло журависом.

Арлинг услышал, как стекает вода в уже переполненный бурдюк, который ученики оставили под... деревом. Мокрые листья склонились почти до земли, роняя влагу в подстав-

ленную емкость. Деревьев в Карах-Антаре не росло даже в оазисах, которые изредка встречались разве что в западных приморских землях. Но ближе к Гургарану, а тем более у его подножья, растительности не было никакой. Раньше. Судя по тому, что крона шумела над головой Регарди, молодым дерево назвать было нельзя. Путь до чуда природы длился вечность, но Арлинг все же доковылял и коснулся мокрой древесины. Ствол оказался толще его руки. Может, ему и мерещилось, но в двух или трех саях слышался шелест листья и скрип веток еще одного дерева. Дальше начиналась целая роща. С трудом присев и зачерпнув мокрую землю у корней, Арлинг задумчиво пропустил ее сквозь пальцы. Большая часть – песок, но к нему примешивался субстрат уже опавших листьев, коры и сломанных мелких веток.

Лекарство имана подняло его на ноги, но что-то сделало с восприятием мира. Арлинг чувствовал все иначе, глуше, тише, слабее. С другой стороны, перепутать дерево было трудно. И он никак не мог понять, что это за вид. Листья и кора гладкие, не похожие ни на одно дерево, растущее в пустынных оазисах.

– Это не саксаул, – снова прочитав его мысли, вмешался Нехебай.

– Нет, – протянул Арлинг, соглашаясь с Индиговым. Внезапная мысль осенила догадкой. Если бы он продолжил принимать лекарство имана, то, вероятно, перестал бы слышать и Нехебай, а вместе с ним потерял чуткость оставшихся

чувств, доведенных за годы тренировок и практики до совершенства. Может, в этом был замысел учителя? Арлинг сохранил бы рассудок, а то, что он остался бы просто слепым калекой, иману уже было неважно. Свою роль Арлинг выполнил, и у Тигра Санагора появился новый вассхан. Может, психическое расстройство Регарди, вызванное ядом гигантского септора, было куда серьезнее недуга Магды, потому иман и приготовил лекарство для него?

– Верно рассуждаешь, – похвалил его Нехебкай. – Нам с тобой еще столько надо обсудить. Тигр тебе не враг, но друг сейчас только один – я. Магда не считается. Она все правильно сделала. Тебе ведь интересно, зачем она так поступила? Спроси, и я отвечу.

Регарди не мог дурно думать о Магде. У каждого ее поступка был смысл, по крайней мере, для него.

– Лучше спроси меня, – раздался голос Магды сзади. Арлинг пропустил ее шаги. Еще недавно одна мысль о том, что он может не услышать чье-то приближение, вызвала бы в нем панику. А сейчас он лишь притянул ее к себе и молча обнял.

– Какие острые листья у этого дерева, – прошептала Магда, уткнувшись в него лицом. – Они могли сделать новое снадобье. Керк солгал, это не иман приготовил. Он лишь придумал рецепт. Слишком много воды, у него нет на тебя времени. Зло спит, но вот-вот проснется. Темный солукрай, как дождь на горе Гургаран. Я не знала, что его так много в тебе. Когда вы договоритесь, ты должен помнить себя. Бери, но не

отдавай.

Фадунa говорила путано, но, кажется, Арлинг уже привыкал. Магда считала, что лекарство имана погубит его, а так как ученики могли приготовить снадобье заново, то пробовала в нем темный солукрай. Мог ли он осуждать ее? Одна его половина ликовала от того, что он может стоять на ногах, пусть и похожих на деревянные. И что Магда больше не лежала сутками в беспамятстве. Но другая все больше погружалась в отчаяние от осознания того, что скоро ему достанется доля калеки-слепого, возможно, с чуть более развитым слухом. Стоило поискать в сумках учеников, что за секретные ингредиенты они с собой принесли. Так, на всякий случай. Ему не давало покоя вещество без вкуса, цвета и запаха.

– Откуда эти деревья? – на самом деле он хотел задать другой вопрос, но Магда обрадовалась.

– Новые семена, – охотно пояснила она. – Из садов смерти. Очень быстро растут. Две недели – и взрослое дерево. Их принес северный ветер. Гремеру придутся по вкусу их сочные почки.

– Кто такой гремер? – и опять не тот вопрос. Он и про деревья-то ничего не понял.

– Там, – Магда подняла палец и тыкнула им в небо. – Слышу, как он дышит. Смотрит на нас.

Фадунa имела в виду махину Гургарана, у подножия которого они стояли, но Арлинг не слышал ничего, кроме мороси, которая нудно сеяла с неба. Мелкие капли стучали по

камням, листьям, шлепали по набухшей почве, по его мокрой голове и плечам. Ученики одели Арлинга в огромную, не по размерам тунику, которая висела на нем мешком и сковывала движения. Впрочем, ему грех было жаловаться. Все, на что сейчас был способен Арлинг – лишь тупо передвигать ноги. Ступни стали чувствительными за то время, что он ими не пользовался. Хотелось натянуть сапоги, но Регарди сильно сомневался, что на его искореженную и неправильно сросшуюся лодыжку что-то налезет.

А вот от Магды капли дождя не отскакивали. Они бесшумно падали на нее, будто сразу впитываясь в Фадуну. Арлинг решил, что пусть так и будет. Главное, что Магда была с ним. Остальное не имело значения. Он ее сохранит, что бы это ему ни стоило.

– Гремер любит воду, и это не пума, – тем временем продолжила Магда, глядя в темноту наверху. – Лучше бы за нами быстрее пришли. Сейчас он один, остальные спят, но скоро мир станет совсем мокрым, и они проснутся. Тигр Санатор думает, что все видит, но давно ослеп. И твоего солукрая у него нет. Он тебе не поверит, по крайней мере, не сразу.

– Я не думаю, что мы будем встречаться с иманом, – осторожно заметил Арлинг, напряженно прислушиваясь к просыпающимся горам. Где-то в саях пяти от них мелкой россыпью обвалились камни, посыпались вместе с дождем к подножью. Но вот стукнуло копыто, потом второе – то горный ахар пришел полюбопытствовать к человеческой стоян-

ке. Козлы были глупыми и бесстрашными. Арлинг никогда не понимал, почему это животное так нравилось Сейфуллаху. В груди отозвалось тоской и грустью. В чем бы он себя ни убеждал, но правда была проста: он всегда будет скучать по Аджухаму.

– Идите обратно, не высовывайтесь, здесь острые листья, – замахала руками Магда, и Регарди с облегчением понял, что все-таки чувствует людей на расстоянии. Он услышал, как дождь барабанит по запрокинутым лицам учеников, которые высыпали из пещеры и теперь стояли с высунутыми языками – ловили с небес воду пайриков.

– Скажи им, чтобы спрятались, здесь опасно, – попросила его Магда, видя, что на ее слова они не реагируют.

– Спрячьтесь, – сказал Арлинг просто для того, чтобы она не волновалась. Наверное, его уже мало чем можно было удивить, но, когда пятеро учеников имана, отталкивая друг друга, с воплями побежали внутрь пещеры, пришлось проявить усилие, чтобы сохранить выдержку. Кажется, их рассудок был поврежден неисправимо. Новая мысль была неожиданной: а ведь иман, вероятно, за них спросит.

– Твоя армия, – торжественно провозгласила Магда, кивнув в сторону пещеры. – Не волнуйся, мы тебе еще бойцов найдем. Успеем.

Арлинг сильно сомневался, что обезумевшие ученики Школы Белого Петуха вообще могут оказать сопротивление, уж какой там бой...

– Ты должен обучить их солукраю, – Магда сегодня говорила поистине нелепые вещи. – Он вернет им разум. Ты не веришь мне, правда? Но нет другого выхода. Ни третьего, ни четвертого. Я ведь скоро умру.

– Что ты такое говоришь? – Арлинг слишком резко схватил ее за плечи, потому что почувствовал, как она поморщилась. Да и сам едва устоял на ногах.

– А их ты слышишь? – спросила Магда, и на этот раз Регарди понял, что она имела в виду. Вернее, кого.

Не было никакого мифического гремера, живущего в поврежденном разуме Видящей. Ни его взгляда, ни движений Арлинг так и не почувствовал. Зато стрелы, который тонко дрожали в натянутых луках, он ощутил столь отчетливо, словно тетива была натянута рядом с его щекой. Верблюдов держали на расстоянии, но Регарди все равно учуял запах мокрой шерсти. На миг стало легче. А ведь Магда почти сумела убедить его, что неведомый хищник охотился за ними в темноте. Нет, Арлинг по-прежнему мог почувствовать любых охотников – и звериных, и человеческих.

Можно было сколько угодно рассуждать о выборе и пути, но сейчас у них оставался только один вариант. Регарди медленно поднял руки, с трудом сохранив равновесие, когда неуправляемая левая ступня поскользнулась на мокрой глине.

– Не стреляйте, – сказал он на керхар-нараге, стараясь говорить не слишком громко и не слишком тихо. – В пещере

пятеро сумасшедших, они безвредны. Хамна там, под навесом, ранена.

Слушая, как их окружают етобары, о приходе которых предупреждал Керк, Арлинг не мог избавиться от досады, червяка, поселившегося в сердце и точившего его с тех пор, как понял, что иман так легко нашел ему замену. Не просто отпустил, но сделал себе нового вассхана. Логичный, разумный поступок начальника школы, но почему же Регарди всегда казалось, что их связывают отношения куда крепче ученика и учителя? Или его наивность стала проявлением побочного действия солукрая? Того самого темного солукрая, которого, по словам Магды, накопилось в нем слишком много.

Но вот то, как иман поступил с Магдой, которую считал Видящей, и с Хамной, которая была его племянницей, дочерью Атрейи, Арлинг понять никогда не сможет. Если решил отправить в изгнание Регарди, почему остался равнодушным к их судьбам? Или учитель опять поступал «как лучше», снова решив за всех самостоятельно?

Глава 4. Арена Смерти

Арлинг приходил в себя долго, ощущая каждую секунду пробуждения мира вокруг. Иной раз первыми приходили звуки, в другое время – запахи, сейчас они вторглись в сознание одновременно, усиливая хаос, творившийся в его голове. Иначе и быть не могло после такого удара. Етобары знали, что ему бесполезно завязывать глаза, а на дурманы, усыпляющие человека, времени у них не было. Поэтому Арлинга лишили сознания по старинке – ударом рукояти сабли по виску. А так как первый раз Регарди уходить в небытие не захотел, наемники, особо не церемонясь, повторили – и так несколько раз, пока его не вырубили.

Арлинг привык просыпаться с болью, но на этот раз раскалывалась голова, удивительно, что она вообще не треснула. Тупая боль в висках перемежалась с огненными всполохами в затылке, утекающими куда-то в позвоночник. Нехебай, который, как всегда, обрадовался его пробуждению, лишь усугублял происходящее, нашептывая, что Арлинг стал слишком стар для всего этого, и, наверное, иман знал, что делал, когда предлагал отправить бывшего вассхана на покой куда-то за Гургаран. Вот только Магда решила иначе. Раньше для Арлинга вопрос выбора определялся просто. Слово Тигра Санагора имело слишком большой вес, чтобы

соперничать с еще каким-либо вариантом. Но оказалось, что слово Магды Фадуны весило не меньше, если не больше.

– Осталось понять, можешь ли ты делать собственный выбор, или так и будешь переносить ответственность на близких, – рассмеялся в его голове Нехебкай. – Впрочем, о чем это я? Думаешь, еще кто-то остался? Она точно уже не с тобой.

Магда сидела на коленях в паре салеяй, наклонив голову и сосредоточенно разглядывая песок перед собой. Арлинг слышал, как кончики ее волос скребли по жесткой поверхности Карах-Антара. Песка, кстати, осталось не так уж много. Арлинг лежал на спине, ощущая кожей камни и глину. Дождь пролил совсем недавно, но солнце мгновенно высушило влагу, превратив смесь из каменного крошева, глины и песка в корку. Магда сосредоточенно водила пальцами по земле, иной раз с силой нажимая ногтями, чтобы оставить царапины. Узоры получались слишком ровными и четкими – Фадуна что-то писала, но разобрать такое на расстояние было вызовом даже для Регарди из прошлого. Сейчас бы определиться, что вокруг происходит. И послать Нехебкай в бездну.

Звуки боя Регарди слышал давно, но так как рубились неблизко, сосредоточился на тех, кто находился поблизости. С Магдой, кажется, все было в порядке – ее сердце билось ровно. Видящая так сосредоточенно царапала ногтем закаменевшую глину, что Арлингу стало важно подойти и по-

ложить на поверхность руку, чтобы понять, что она там писала. Вряд ли с головой Фадуны стало лучше, но после истории с темным солукраем Регарди чувствовал, что обязан хоть немного понять смысл, что Видящая прятала за бредом. Он сел, сопротивляясь желанию лечь обратно. Невероятно тяжело ощущалась голова, густыми волнами прокатывалась тошнота, слишком быстро наступила слабость в руках, когда Арлинг на них оперся. Он напрягся, ожидая искру боли в искореженных ногах, но те молчали. Еле двигались, но не посылали огненных игл по всему телу. Хуже всех вел себя Нехебкай, у которого, похоже, было особенно разговорчивое настроение.

«Я всех вас древней и оттого сильнеей», – пел Индиговой в многострадальной голове Арлинга, мешая понять, что говорила Хамна, и о чем гудела толпа, находящаяся где-то сзади и наверху.

Очередное «Асса» прокатилось по земле, врезалось в каменную изгородь, проползло по кругу, просочившись сквозь Арлинга и Магду, и столкнулось с собственным эхом. Мы на арене, догадался Регарди. Протянув руку, он ощупал стену, уходящую вверх саля на четыре. Люди, сидящие наверху, пока их не замечали; внимание толпы было сосредоточено на дерущихся, которые рубились в центре площадки, источая запахи крови, пота и боли. Хамна и пятеро учеников имана находились чуть дальше места, где сидел Арлинг, и, кажется, уже давно мозолили толпе глаза. То и дело в них летели кам-

ни и гнилые овощи, но наемница была слишком занята разговором с молодыми кучеярами, для которых негодование зевак тоже значения не имело. Они то и дело оборачивались на Арлинга, издавали нелепые звуки и двигались так, словно не знали, что делать с руками и ногами. Темный солукрай передавал Арлингу через них привет. Хамна пыталась заставить их держать ножи, но после того как один из учеников сунул кончик клинка себе в рот, порезав губу и едва не отрезав язык, похоже, все больше теряла терпение.

Глубоко вздохнув и заставив сердце биться ровнее, Арлинг сосредоточился. Раньше он мог бы подсчитать, сколько людей наблюдало за битвой в точности до человека, но сейчас лишь прикинул – тридцать или двадцать, а может, пятьдесят зевак собралось наверху, наблюдая за побоищем. Те самые объединившиеся «гнезда» етобаров, которые бросили насиженные места и зачем-то пришли на это выжженное солнцем плато поглазеть на смерть, будто им и так не хватало крови в жизни. Некоторые лавки пустовали, и можно было лишь догадываться, сколько зрителей присутствовало на етобарских ритуалах в лучшие времена. Все менялось, и етобары тоже.

Арена находилась на предгорье, расположившись на плато, но внизу шумела листва – и то был не мираж. Регарди чувствовал запахи побитого зноем листа и нагретой коры, слышал жужжание насекомых, роившихся в ветвях. Поведение людей, может, и было прежним, а вот мира – нет.

Етобары всегда оставались самой малочисленной сектой наемников, тщательно отбирая убийц в свои ряды. Но война с Маргаджаном, а потом с Согдарией значительно сократила их численность. Когда империя бросила армию Жестоких усмирять бунт в богатой южной колонии, етобары не остались в стороне, защищая независимость сикелийских крепостей вместе с другими наемниками. И вот теперь они объявили эру Алхас-Кешида, о котором Арлинг не знал ничего, кроме того, что у эпохи имелось еще и другое название: «Конец людей и мира». Судя по словам Хамны, етобары уничтожили «гнезда», так назывались строго засекреченные поселения, где воспитывались будущие убийцы, и, впервые за многие десятилетия объединившись, двинулись из Сикелии вслед за керхами.

Арлинг отогнал новый приступ головной боли и сосредоточился на арене и дерущихся. Эти явно пришли сюда не по приглашению. То были драганы, которые рубились друг с другом из последних сил. Етобары-охранники, стоявшие вдоль арены, пристально следили, чтобы никто из сражающихся не покинул круг. Тех, кто нарушал невидимую границу и в азарте схватки приближался к ограждению, либо наоборот, не желал драться, опуская меч, кололи копьями, загоняя обратно в сечу. С помощью ветра Арлинг насчитал троих мертвецов на земле, двоих раненых и пять бойцов, которые еще держались на ногах, но двигались так, словно уже попрощались с жизнью.

Кем были эти драганы? Воинами Маргаджана? Каргалами? Остатками армии Жестоких, прибывших из Согдариин подавлять восстание колоний? И был ли с ними связан шпион Педера Понтуса, напавший на Арлинга в пещере? Когда в жизни Регарди появлялись его сородичи, ничего хорошего потом не случалось.

Но сейчас его больше всего интересовала Магда.

– Как ты, милая? – спросил он, присаживаясь рядом и не решаясь обнять ее за плечи. А так хотелось. Регарди чувствовал, что Фадунa сейчас не с ним, и опасался сделать еще хуже, чем уже сделал. Присесть у него, конечно, не получилось, и Арлинг скрючился рядом, вытянув левую ногу сбоку от Магды и одной рукой упершись в песок. Поза вышла забавной, но месяц назад он не мог мыслить и о подобном.

– Готовься, – ответила Видящая, не поворачивая головы. Потом вдруг схватила его за руку горячей ладонью. – Наше время еще не пришло.

Арлинг кивнул. Он понял, что Магда говорила не о смерти.

– Очнулся? – Хамна оставила учеников имана и поспешила к Регарди, слегка прихрамывая. – Они только тебя ждут.

Регарди снова кивнул. А вот Хамна имела в виду именно ее, Белую Госпожу. Давно он не вспоминал драганское имя той, которую когда-то ждал каждое мгновение. А теперь, когда он хотел жить как никогда, она, разумеется, спешила. Он чувствовал ее дыхание, разлитое в воздухе умирающего дня.

Хамне вовсе не нужно было его предупреждать.

Те драганы на арене были лишь закуской перед подачей главного блюда.

– Одумайся, сестра! – крикнул сверху один из етобаров. – Ты держишься за подрубленный сук, твой путь грешен! Молись!

– А я что делаю? – огрызнулась ему в ответ Хамна-Акация. – Каждый молится богам на собственный лад.

Етобары не теряли надежду отговорить свою же от явно-го самоубийства. Наемники Сикелии соблюдали верность и чтители традиции боевых школ, из которых вышли, но ни один клан не мог похвастаться большей преданностью своих членов, чем у етобаров. Такие, как Хамна, были редчайшим исключением, но ятопайры были готовы принять сестру обратно. Вот только бывших халруджи не бывает. Арлинг знал это не понаслышке.

– Разрешаю тебе любой выбор, – сказал Регарди, с трудом поднимаясь на ноги. – Сделаю что смогу.

Им обоим было понятно, что сможет он немного.

– Сегодня должна была пролиться кровь только драганов, – сказала Хамна, присаживаясь рядом на пятки и не спуская глаз с арены. Арлинг чувствовал, что смотрит она не на умирающих драганов, а дальше, туда, где слышались странные звуки, не похожие на те, что обычно издавал человек. Кажется, где-то там, на другой стороне арены, была дверь, и Регарди совсем не хотелось, чтобы ее открыли.

– Братья верят, что успокоят дух Нехебкай, если принесут ему в жертву драганов, а еще лучше – того, кто его убил. Керк, новый индиговый имана, договорился насчет тебя с нашими. Поэтому нас так легко нашли. Те драганы, – Хамна кивнула на арену, – обычные переселенцы, каких сейчас много. У них простейшие боевые навыки, достаточные, чтобы не умереть на чужбине. Не профессионалы. Ночью ритуал должен быть завершен, а так как впереди еще наши смерти, то, скорее всего, сейчас их убьют, слишком затянули. Тебя мои братья будут убивать сами. Но сначала с ними сражусь я.

– Кажется, обо мне говорили, – прошептал в голове Арлинга Нехебкай, но Регарди поспешил заткнуть его. Не время для безумия.

– А может, самое оно? – съехидничал индиговый бог, который, конечно, читал его мысли.

– Я отдам свою жизнь за тебя, – сказала Хамна-Акация, поднимаясь. – Но не за нее и не за них.

На арене етобары добивали двух драганов, которые не хотели умирать. Убивали медленно, как и сказала Хамна: им нужно было больше драганской крови.

Акация старалась не хромать, но было очевидно, что свою жизнь она отдаст быстро. Навстречу ей выдвинулся один из етобаров. Кажется, они решили оказать ей честь поединком, хотя могли накинуться разом, и тогда у Хамны не было бы шансов. Что ж, его халруджи выигрывала ему время, вот только он не знал, как им воспользоваться.

– Я могу, – тут же пришел на выручку Нехебкай. – У меня к тебе деловое предложение.

В жизни Арлинга встречалось много людей с деловыми предложениями, и все они, как правило, ничего хорошего лично ему не сулили. Ярчайшими примерами были аферы дяди Абира-Подобного и, конечно, Сейфуллаха Аджухама. Наверное, то было логично, что его сломавшийся мозг иногда говорил, как тот мальчишка, который уже давно мальчишкой не являлся, и о котором Арлинг все равно думал, хотя уже ничем не был ему обязан. Бывших халруджи не бывает.

Хамна и етобар поклонились друг другу. Арлингу было сложно издалека определить его боевые характеристики, но одно он мог понять безошибочно. Етобар возвышался над Акацией примерно на две головы, был тяжелее и массивнее. На ее стороне скорость, но и противник медленным не казался. Его шаги по песку были плавными, уверенными и легкими – при его то весе.

– Она продержится минут восемь, – заявил Нехебкай. – Тебя убьют за секунд двадцать. Потом за компанию прирежут идиотов и Видящую. Не согласен?

Ученики имана подошли к Магде и сели вокруг нее кружком, увлеченно разглядывая рисунки, которые процарапал в окаменевшей глине ее палец. Хотел бы Арлинг знать, что там нарисовала Фадуна, но Нехебкай задавал поистине животрепещущие вопросы, на которых пока ответа не было. Забрав

нож у одного из учеников, Арлинг перебросил его из руки в руку, но ничего не почувствовал. Раньше, когда проливалась кровь, солукрай всегда вспыхивал в нем – словно пламя из искры. Похоже, дожди Карах-Антара затушили последние искры.

– Пятьдесят етобаров – это не одно и то же, что керхи, которых ты однажды зарезал примерно в таком количестве, – напомнил Нехебкай неприятный эпизод из его жизни. – К тому же ты хоть и стоишь на ногах, но все равно калека. Твои руки потеряли скорость и силу. На выручку никто не придет. Керк тебя сдал, а иман тебя забыл. Если думаешь, о темном солукрае, то легче перерезать глотки тем ножом, что совершенно тебе сейчас бесполезен – сначала Магде и ученикам, потом себе. Даже если сам выживешь, о здравом рассудке можешь не мечтать. Фадуна точно умрет, все остальные сойдут с ума, и ты тоже. Дуракам везет, знаешь ли, поэтому первый раз с тобой ничего не случилось. Ты не готов для темного солукрая – ни твое тело, ни твой разум. Да и вряд ли ты на самом деле его хочешь. Есть выход. Ты же не можешь допустить, чтобы к Магде приблизились с клинками хотя бы на саль?

Нехебкай задавал риторические вопросы.

– Трус! – крикнул сверху один из етобаров, и в Арлинга полетел камень. Отойдя от Фадуны, чтобы в нее случайно не попало, Регарди приблизился к стене возвышавшейся сверху трибуны и уткнулся в теплый камень лбом. Для разговора с

самим собой нужно было сосредоточиться. Если сходить с ума, то сначала таким вот способом. А потом можно и темный солукрай попробовать.

– Говори, – велел он Нехебаю.

– Все просто, – обрадовался Индиговый в его голове. – Сделка будет между нами. Я улучшу твои знания солукрая, а ты выполнишь мои условия.

– Солукрая? – переспросил Арлинг, немного разочарованный. Вероятно, он ждал волшебства.

Может, не стоило терять время с Нехебаем?

Етобар, вышедший против Хамны, был сосредоточием мышц, живым орудием убийства и дышал чудовищной свирепостью, но на Акацию его размеры не произвели впечатления. Казалось, что она стоит неподвижно, равномерно распределив вес на обе ноги, но на самом деле вес ее тела ежесекундно перемещался с одной ноги на другую. Арлинг слышал, как скрипел песок под ее ступнями. Интересно, она знала своего противника раньше? Регарди предположил, что етобар был чуть моложе Хамны.

Одна рука, ранение в голову, не совсем подвижная левая нога – очевидные минусы, которые противник Хамны явно просчитал заранее, так как сразу перешел к нижним атакам, целясь по ногам.

– Иман обучил тебя азам, я проведу углубленный курс прямо здесь, – медовым голосом пел в его голове Нехебай. – Не етобары, так мой яд убьет тебя. Медленно и неотвратно.

Арлинг понимал, о чем говорил Индиговый. Когда-то солукрай помог ему заживить ожог на ладони за одну ночь, но сейчас речь шла кое о чем посложнее. Чтобы его ноги обрели прежнюю подвижность, их нужно было по меньшей мере заново сломать.

Хамна с етобаром пыхтели, скрипели песком и глиной, лязгали саблями, мешая сосредоточиться. Етобары сверху возбужденно кричали и бросались оскорблениями. Их возмущало, что Арлинг позволяет Хамне умирать за себя. Ему же стало очень важно понять, что за шум раздавался за дверью в стене арене. Рык львов – вот на что это было похоже. Однако среди звериного рычания слышалось что-то еще. Похоже, Хамна ошиблась. Когда ее убьют, на них с Магдой и учениками выпустят львов. Етобары, может, и любили кровавые ритуалы, но выступать против убийцы бога не собирались. Другое дело – проучить сестру, свернувшую не на ту дорогу.

Теперь уже Хамна бросалась в атаку, опережая противника. Етобар присел, готовясь ее встретить, их головы оказались на одном уровне, и Хамна взмахнула саблей, вынуждая его отступить. Но етобар не отступил. Прыгнул из полуприседа, удивив, как Арлинга, так и саму Хамну. Тяжеловес умудрился перелететь в прыжке через Акацию и ловко приземлиться позади, поменявшись с нею местами. Хамна мгновенно развернулась, но недостаточно быстро, чтобы полностью парировать выпад здоровяка. Он достал ее кин-

жалом, оставив глубокий порез на скуле. Хамна умудрилась не потерять динамику и в ответ ткнула его своим кинжалом в лицо. Етобар отскочил, ловко управляя мускулистым торсом, но тут же ринулся обратно. Чтобы отразить удар саблей и преградить лезвию путь, Хамне пришлось выставить оба своих лезвия – саблю и кинжал, но подставиться под удар колена, врезавшего ей по ребрам. Потеряв равновесие, Акация с трудом увернулась, при этом упреждающе взмахнула саблей, чтобы не дать етобару подобраться ближе. Еще больше хромая, она закружила вокруг противника по арене.

– А чего хочешь ты? – спросил Арлинг, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы по секундам. Магда выпрямилась и посмотрела на него сквозь головы учеников, которые были полностью поглощены рисунками. Она кивнула ему. Кажется, Видящая давала свое согласие. Но выбор, конечно, оставался за ним.

– У меня три условия, два назову сейчас, последнее – на закате.

Время невозможно остановить, его лезвия неслышно режет и мягкое, и твердое. Новое солнце Карах-Антара неуклонно клонилось к зениту.

Шум за дверью стал громче. Двое етобаров-охранников забеспокоились и подошли к ней, напряженно прислушиваясь. Очевидно, им тоже показалось, что львы таких звуков издавать не могут. Арлинг слушал их уже давно, и они волновали его больше, чем етобары, столпившиеся вокруг аре-

ны. То ли они все-таки решили убить его лично, то ли собирались прийти на выручку товарищу, которого Хамна начала вдруг теснить.

– Говори.

– Тебе придется стать чуть мной, – вкрадчиво прошептал Нехебкай. – Не все знание солукрая может быть осмыслено человеком. Я тебя изменю. Немного.

– Это первое условие?

– Нет, предупреждение. А условие – Видящая. Ее дорога станет твоей. Все, что она скажет, сделаешь.

Будто подслушав их разговор, Магда запрокинула голову и рассмеялась. Потом вдруг засуетилась, поднялась и пересела к стене арены, прижавшись к каменной кладке спиной. После чего поманила к себе учеников имана, которые послушно подбежали, устроились рядом и повторили ее движения – уткнули лица в колени, закрыв сверху головы руками.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал, Магда? – спросил Арлинг, отвечая тем самым Нехебкаю. Это было несложное условие.

– Все, кто наверху – мертвецы, – пропыхтела она. – Если не сейчас, то к закату.

– Хорошо, сделаю, – понял ее по-своему Арлинг и обратился к Нехебкаю, чувствуя, что путь безумия не настолько сложен, каким казался там, в пещере Гургарана.

– А если я пойму Видящую по-своему? Будет ли это считаться нарушением первого правила?

– Видящую можно понять только так, а не иначе, – уклончиво ответил Нехебкай. – Чем меньше вопросов, тем быстрее ты поможешь своей подруге.

– Я буду помогать не ей, – ответил Арлинг и повернул голову в сторону етобара, который приблизился на опасную дистанцию. Там, в пещере, суеверные ученики имана повязали ему лентой глаза, чтобы случайно не столкнуться со взглядом слепого и не оказаться проклятым, но, когда етобары тащили его к арене, повязка затерялась. И сейчас етобар, который был все-таки сначала кучеяром, а потом наемником, взглянул прямоком Арлингу в глаза. Регарди почти физически ощутил, как тот побледнел и отступил, решив дожидаться смерти Хамны, а потом уже разбираться со слепым сообща с другими сектантами. Те, кто стоял поблизости, уже давно косились на Регарди, который разговаривал сам с собой.

– Быстро схватываешь, – похвалил его Нехебкай. – Второе условие. У меня есть дочь, и у нее сейчас не все хорошо. По правде, только один в мире способен на невозможное. Ты знаешь, о ком я.

Невозможное сотворил Тигр Санагор, который превратил слепого калеку в безумного убийцу. Иман был последним человеком, с которым Арлинг сейчас хотел встречаться. Если бы речь шла о чьей-либо другой дочери, Регарди бы согласился, особо не думая, но когда о своем ребенке просил бог, пусть и существующий сейчас только в его голове, спешить

не стоило.

Тем временем Хамна наступала на соперника, нанося удары саблей с бешеной скоростью. Арлинг пропустил момент, когда она выбила клинок у противника, но чувствовал, где он лежал – в трех салях от стены, в пятнадцати от самого Регарди. Прежний Арлинг бы успел.

Теперь в руке етобара был только нож, но он казался змеей, атакующей с потрясающей скоростью. Лезвия клинков выбивали искры, скрежетали и звенели под барабаны, грохочущие в ушах Арлинга. На самом деле гремела дверь, которая с трудом сдерживала натиск того, кто пытался вырваться наружу. Теперь уже все етобары, что следили за поединком внизу, сосредоточились у двери, наставив на нее копья. Те, что занимали места наверху арены, тоже беспокоились. Очевидно, львы, выбивающие дверь, в сценарий ритуала не входили. Впрочем, самих львов Арлинг не слышал уже давно. И его волновало то, что он не слышал, как они умерли.

– Возможно, – глухо сказал он, не имея ни малейшего желания искать дочь Нехебкая, а тем более, спасти ее. А уж с иманом общих дел пока и вовсе не хотелось иметь.

– Да или нет? – рявкнул Индиговой в его голове.

– Назови третье условие, – потребовал Регарди. – Сейчас.

– Ты узнаешь его от Видящей, – туманно ответил Нехебкай.

– Не согласен.

– Да у тебя нет выбора. Ты же не хочешь здесь помирать.

У тебя Магда.

– Умру я, сгинешь навек и ты. У меня тоже есть условие. На миг Нехебкай даже задохнулся от возмущения.

– Кажется, это я тебя сейчас спасаю. Никак не наоборот.

Между тем дела у Хамны снова пошли не очень. Она наступала медленнее, не давала етобару атаковать, но и сама не могла достать врага. Етобар орудовал последним оставшимся кинжалом так, будто тот рос у него из руки. Акация уставала, и етобар чувствовал это. Вот они сблизились, скрестив клинки, и етобар резко мотнул головой, пытаясь разбить лбом лицо Хамны. Та спаслась, отпрянув назад, но вдруг споткнулась о труп одного из драганов, которых так и не убрали с арены. С трудом сохранив равновесие, она оттолкнулась на пятках и бросилась вперед, но етобар отбил ее саблю голой рукой. Запах свежей крови густо разлился в воздухе. Акация не сбавила темпа и попыталась рубануть саблей снизу вверх, целясь етобару в бок и ребра, но противник снова проявил ловкость, которую демонстрировал в течение всего поединка. Проворно отскочив, он уклонился, но сам успел резануть Хамну по левому предплечью, оставив открытую рану.

– Ну, какое там еще условие? – первым не выдержал Нехебкай.

– Ты вылечишь Магду от безумия.

– Безумия, которое ты вызвал темным солуккраем? – уточнил Индиговый. – А что насчет тех пятерых кучеяров? Они

тебя не волнуют?

– Или сделки не будет. Умрем все вместе.

– Ты блефуешь.

– Какое там, – вздохнул Арлинг, а в следующий миг дверь, трещавшая по швам под натиском неведомой силы, не выдержала и разлетелась в щепки.

Может, етобары, стоявшие рядом и успели взглянуть в глаза монстру, но Регарди показалось, что ничего они не увидели – их убили в считанные секунды. Тварь, выбравшаяся из каморки, пахла львиной кровью, но сама зверем не являлась. Она будто чирикала, но судя по огромным размерам, заполнившим весь дверной проем, с пташками, которые иногда встречались в предгорьях, ничего общего не имела.

– Пума, – слышалось сдавленное хихиканье Магды.

Хамна с етобаром катались по земле, когда появившаяся «пума» смахнула лапой скальпы сразу трем наемникам. Остальные два повалились на землю сами, Арлинг лишь уловил еле слышный свист – кажется, в них попали чем-то острым. Он ничего не знал о пумах, кроме того, что шипов у них не было. И на двух задних лапах они тоже не ходили. Эта же тварь, оторвав голову еще одному подбежавшему етобару, не прилагая особых усилий, запрыгнула наверх. Етобары, наблюдавшие за ритуалом, хоть сами драться и не собирались, но и обычными зрителями не являлись. Послышались лязги вынимаемых из ножен клинков и сабель, но поднявшиеся следом крики и вопли боли на миг поглотили все

остальные звуки.

Арлинг с трудом представлял себе верблюда, которого никогда не видел, когда был зрячем, поэтому и образ неведомой твари сначала для него расплылся, спрятался за конечностями, телами и внутренностями, которые летели на арену по мере того, как чудовище вгрызалось в толпу – в буквальном смысле слова. И все-таки прежний Арлинг не умер, потому что органы чувств стали привычно достраивать то, что не могли увидеть незрячие глаза. Клинки лязгали о непробиваемую шкуру, тварь чирикала над головами етобаров, а значит, была выше человека. Шипы вылетали у нее со спины, в то время как слишком подвижные лапы с длинными когтями-лезвиями орудовали в человеческой массе, словно ножи. Арлинг предположил, что лапы у чудища сгибались не только в локтях, а вот насчет хвоста засомневался. Кажется, «пума» отдаленно напоминала человека. Что там было у твари с мордой, его чувства подсказать никак не могли. Щелканья ключа слышно не было, скорее, скрежет зубов, тогда откуда раздавалось чириканье?

– Договорились, – нехотя произнес Нехебкай. Арлинг тоже думал, что уже пора. Хамна с противником еще вяло перестукивались клинками, но все их внимание давно перешло на «пуму», устроившую кровавую оргию в зрительских рядах. Там етобары, профессиональные убийцы и воины, умирали слишком быстро.

Магда, безумие которой согласился вылечить Индиговый,

повела себя разумнее всех. Воспользовавшись тем, что выход с арены уже никто не охранял, она побежала туда, уводя за собой учеников имана. Больше всего Арлинг хотел рвануть за ней, чтобы проследить, что ни один етобар не причинит ей вреда, но Нехебкай, уже чувствующий себя хозяином в его теле, заставил остаться.

– Как ты это сделаешь? – времени на вопросы не было совсем, но верить богу-змею на слово не хотелось.

– Я знаю лекаря, – не стал усложнять ситуацию Нехебкай. – Он бывший серкет, и ему приходилось лечить тех, кто пострадал от темного солукрая Подобного. Я говорю о моих первых учениках, не о твоём дяде.

– Лекарь настолько стар?

– Он сейчас в Самрии, и если ты поспешишь, может, у Магды ещё есть шанс.

– Почему сам не можешь вылечить её от темного солукрая?

– Потому что я и есть темный солукрай! – рявкнул Индиговый. – Я не могу лечить от самого себя. Да или нет? Принимаешь меня, или гремер сейчас всех сожрет?

Арлинг хотел задать сто и один вопрос про гремера, но времени, действительно, не осталось. Хамна со своим соперником окончательно определились и, бросив поединок, карабкались к лавкам, туда, где чудовище увязло в массе етобаров, которые буквально повисли на нем, облепив со всех сторон. Вот только Арлинг слышал, что никто из этих людей

уже не дышал, жизнь ушла из тел, наколотых на шипы, которые тварь неожиданно выдвинула из груди и спины почти на полсаля. Хамна и один из последних етобаров спешили на свою погибель.

— Принимаю, — сказал Арлинг, где-то в глубине души чувствуя, что совершает ошибку.

Ему показалось, что он потерял сознание лишь на секунду. Мир перестал пахнуть, шевелиться и издавать звуки совсем на короткое время, но когда очнулся, понял, что лежит не на арене, а на каменных лавках зрительских рядов, где-то наверху, почти под небом. Его окружала тишина, изредка нарушаемая шепотом Магды. Видящая была далеко, но, кажется, сейчас он был способен слышать ее отовсюду.

Когда небо расколется,

Когда звезды осыплются,

Когда моря перельются,

Когда могилы перевернутся....

Тьма кровеносная мир накроет,

Огни замерцают.

Тебя пригласили на танец смерти.

Нельзя отказаться.

Левая нога Регарди ныла, но то была тупая боль, словно от застарелой раны, которую разбередила непогода. Мышцы правой свело, но стоило ему переключить внимание на ноги, как боль отодвинулась на задний план, и конечности сразу повиновались, будто нашкодившие ученики, которые сбежа-

ли с уроков, но которых вернули обратно. Арлинг спрыгнул со скамьи, тут же пожалев об этом. Может, ноги его и слушались, но отсутствие тренировок давало о себе знать – он едва не подвернул ступню с непривычки.

– Ты там? – позвал он Нехебка, но услышал лишь грохот разбиваемого камня. Арена опустела. Ветер завывал между рядами, скреб отполированные человеческими телами сиденья, гонял песок и мелкие камешки по лавкам, крепчая с каждой секундой. Мертвецы валялись повсюду. Воздух отяжелел от крови, и, если бы не ветер, в нем можно было захлебнуться. Солнце почти село. Видящая шептала о кровеносной тьме, и не ошибалась.

– Я всегда услышу тебя, Магда, – ответил ей Арлинг, опускаясь к ближайшему мертвецу. Нехебкай выполнил свою часть сделки. Тело слушалось плохо, но подчинялось. Лишь жгуты новых шрамов, которые оплетали ноги, будто веревки, говорили о вмешательстве неизвестного лекаря, заново переломавшего и соединившего кости, связки, мышцы, плоть... Сам лекарь исчез, но обязательства остались. Регарди ощущал сделку, заключенную с Нехебкой, будто клеймо, выжженное в сердце. Сам Индиговый упорно молчал, то ли восстанавливаясь после тяжелой работы, проделанной над Арлингом, то ли ушедший навсегда по своим причинам.

А может, все это ему привиделось, и яд ушел из тела, очистив сознание? Или, наконец, настолько подействовало лекарство имана, пусть даже принятое в малых дозах, что Ар-

линг перестал ощущать галлюцинации? Или он снова прибег к темному солукраю, пусть и неосознанно, излечив себя самостоятельно?

Гадать можно было до бесконечности, но внизу снова раздался грохот, а за ним знакомое чириканье.

«У прохладных звуков, долетающих издалека, нет имени. Под ногами у тебя ледяная корка, высокое небо прорывается сквозь кроны деревьев, капля воды катится подобно лавине. За этим дном есть еще одно».

Видящая замолчала в его голове, и Арлинг услышал Хамну.

– Нужно сразу две скамьи, Аллан, – кричала кучеярка, бегая по арене. – Бросай обе.

Судя по ее натужному дыханию, ныркам и прыжкам, она взяла на себя роль приманки, тогда как ее бывший соперник пытался убить тварь, бросаясь в нее каменными лавками. Гимнастические трюки Хамны сбивали чудовище с толку, но силы наемницы были на пределе.

Мертвец, лежащий у ног Арлинга, судорожно вздохнул и попытался воткнуть ему пальцы в глаза. Все-таки он был етобаром, пусть и мертвым, пусть и неожиданно ожившим. Регарди перехватил его руку, которая была слишком подвижна для умершего. Сердце етобара не билось, а из груди у него торчало пять шипов, которые Регарди осторожно изучил, едва касаясь. Острия вошли в тело глубоко, и должны были пронзить легкие, сердце, желудок – смертельный исход га-

рантирован. Человек источал странный запах, напоминающий ароматное цветение журависа, гниение плоти, зловоние чеснока и лука, раскаленное пекло пустыни в полдень. Вторую атаку Арлинг предотвратил, свернув мертвецу голову и еще раз сломав конечности – оказалось, что они уже были сломаны до этого. Странное зловоние исходило от шипов, на ощупь напоминающих рога ахаров. Поднявшись, Регарди еще какое-то время слушал етобара, дергающегося у его ног, но на новые атаки со сломанными конечностями и вывернутой шеей тот все же способен не был.

Глава 5. Гремер

Наконец, Арлинг принял решение и поспешил вниз. Ногам доверия еще не было, но и другого выхода тоже. Впрочем, спуститься удалось без приключений, и даже прыжок через первый ряд, а потом приземление кувырком на арену удалось без повреждений, хотя и не без боли.

«Где же ты, обещанная сила бога?» – хотелось спросить у Нехебкая, но, похоже, тот окончательно покинул его. Все те месяцы в пустыне Арлинг чувствовал его, даже когда Индиговый молчал. Сейчас в своем теле был только он сам. И кажется, тело находилось в опасности, потому что на него мчалось чудовище. Хамна сошла с дистанции, споткнувшись на пустом месте – сказывалось длительное напряжение, но на арене вовремя появился Регарди, и внимание твари сосредоточилось на новой цели, которая двигалась. Три каменных лавки, которыми Аллан, бывший соперник Хамны, пытался убить монстра, лежали расколотой грудой. Может, льва они и забили бы, но вот носорога или слона вряд ли. Настало время меняться ролями и переходить от жертвы к охотнику. А для успешной охоты нужно правильное оружие.

– Найди арбалеты! – крикнул Арлинг етобару, нарезая по арене второй круг. – Мне нужен шибанский арбалет!

Они с тварью приближались к Хамне, которая еще не со-

всем пришла в себя после падения. Но, к счастью, етобар его понял и, бросив попытки оторвать еще одну скамью, куда-то делся. Оставалось надеяться, что етобары совершали свой исход из Сикелии при полном вооружении.

Где все, пронеслась в голове мысль, и тут же накрыло осознание. Зрители никуда не делись, просто теперь они не сидели, а лежали между рядами, источая зловония мертвой плоти, чеснока и журависа – сочетание, которое врезалось Арлингу в память теперь уже на всю жизнь. Тварь убила их за то время, что Нехебкай творил свое волшебство: то ли обучал его новому солукраю, то ли сам использовал солукрай. А может, Регарди все это показалось, и он просто испытал очередные галлюцинации. Неожиданно вернувшаяся сила и заново сросшиеся ноги могли быть следствием влияния иманова снадобья. Легко и привычно было верить учителю, куда сложнее – в голос, звучавший в собственной голове.

Как долго Арлинг находился в отключке, почему его не убили, и каким образом он оказался наверху? Все это были вопросы без ответа.

А вот етобар с арбалетом задерживался. Может, предпочел сбежать? Регарди его бы не осудил. Все происходящее напоминало сон: и его чудесное возвращение к жизни, и чудовище, что уже дышало в затылок. Регарди знал, что зверь прыгнет быстрее, чем ему удастся уйти с его траектории, поэтому нырнул на землю, еще в воздухе перевернувшись лицом к твари и выставив вперед два ножа, которые отобрал

у мертвеца наверху. Целиться было сложно, анатомия зверя была неясной, но Арлинг слышал, откуда вырывалось дыхание твари, и попытался вонзить клинок в горло. Второй наметил туда, где слышал грохот сердца. Чудовище дышало, и у него билось сердце, а значит, было смертно.

Однако трюк не удался. Оба лезвия лязгнули о броню, тварь была покрыта защитными пластинами, которые сдержали удар, хотя Регарди и вложил в него всю свою человеческую и нечеловеческую силу. Чудовище передохнуть не дало. Рыча, похрюкивая и чирикая одновременно, оно навалилось на Арлинга, и они покатались клубком переплетенных рук, ног, лап. Ярость, вдруг накрывшая Регарди, стала неожиданным союзником, который придал сил перехватить когтистую лапу, потянувшуюся к лицу, а после отстраниться, опередив шип буквально на секунду. Острие выскочило из тела зверя в районе живота, и Арлинг точно оказался бы сейчас в положении бабочки из коллекции Терезы Монтеро, если бы не услышал слабое шипение, с которым отодвигались пластины, выпускающие шипы.

Подлый прием взбесил его еще больше, и Регарди принялся дубасить чудовище по морде, выше того места, откуда раздавались то хрипы, то чириканье. Но долго такое удовольствие себе позволять было нельзя, потому что защитные пластины имелись у твари везде, в том числе и на голове. Пришлось поспешно откатываться, а потом поднимать себя рывком на ноги и бежать к стене, ограждающей арену. Зверь

не уступал ему в темпераменте и ярости, потому что погнался за ним с таким усердием, что Арлинг едва успел убраться ноги, когда прыгнул и зацепился за край стены, с того места, куда прилетел здоровый шип, а потом еще три. Укрывшись за каменной лавкой, которую Аллан еще не успел сломать и бросить на арену в чудовище, Регарди оторвал кусок туники и принялся скорее стирать слизь, которая осталась у него на кулаках после непонятного приступа ярости. Ничем иначе, как глупостью, тех попыток назвать было нельзя. Зверь явно источал яд разными способами, в том числе, тот мог находиться в слизи, покрывавшей морду. Чем Арлинг думал? Как можно так рисковать? Ни одна драка раньше не вызывала у него столько эмоций. Иман учил своих учеников хладнокровию и спокойствию – эти незыблемые истины вбивались в будущих наемных убийц еще на первых годах обучения. Он становился старым? Или Нехебкай все-таки сотворил с ним что-то помимо возвращения силы?

Впрочем, особо сильным Арлинг себя не чувствовал. После активных движений, ударов, быстрого бега и падений в теле ныло все – даже пальцы. С другой стороны, раньше с неведомыми тварями ему тоже не приходилось сражаться.

Между тем чудовище методично обстреливало шипами лавку, за которой прятался Арлинг. Острые штуковины врезались в камень с такой силой, что выбивали из него крошку. Зверь медленно приближался, и гора мертвецов, возвышающаяся у стены, как и сама стена, явно не были для него

препятствием.

Если не арбалет, то хотя бы двуручник, подумал Арлинг, лихорадочно соображая, удастся ли ему найти что-нибудь тяжелое у мертвых етобаров. Но с двуручником либо с копьем на такие зрелища явно не ходят. С другой стороны, етобары обычными зрителями тоже не являлись. Ближайший мертвец лежал в трех саях и, кажется, мертвецом не был, потому что Арлинг слышал, как его руки царапают ногтями каменную поверхность, подтягивая обрубленное напополам тело. Ни сердцебиения, ни дыхание, но тем не менее, человек, или то, чем он стал, целенаправленно ползло к Регарди. Увы, ни копья, ни двуручника у живого мертвеца не было, поэтому Арлинг переключил внимание на три мертвых тела, лежащих на верхних рядах неподалеку.

Тварь была уже совсем рядом, когда над головой Регарди пронеслась и впилась в грудь мертвых тел тяжелая арбалетная стрела. Целились с противоположной стороны. Вытащив стрелу из бедра одного етобара, который, к счастью, не пожелал оживать, Арлинг быстро изучил ее и удовлетворенно кивнул. Шибанский арбалет – то, что надо.

А вот у Хамны и Аллана, заряджавших арбалеты на другой стороне арены, явно были проблемы. То ли они не полностью зарядили магазин, то ли стрела вылетела случайно, а спусковой механизм заклинило. Как бы там ни было, но момент был упущен.

Регарди бросился к арбалетчикам одновременно с чудо-

вищем и, скорее всего, проиграл бы, если не один раненый драган, который участвовал еще в первом ритуальном поединке и который неожиданно пришел в себя, встав на пути твари. Зверь в бешенстве рванул его зубами, умирающий вцепился в морду, на миг закрыв обзор и чуть изменив траекторию бега твари. Арлинг успел.

Перескочив последние сали в диком, неестественном прыжке, после которого его чудом восстановленные ноги разом заныли, словно их заново сломали, он опустился возле Хамны и етобара, устроившихся за скамьями на третьем ряду арены.

Шибанский арбалет, может, и считался в Согдариин примитивным оружием, но в Сикелии наемные убийцы относились к нему с теплом и любовью. Ведь арбалет позволял выпустить до десяти и больше тяжелых стрел за считанные секунды. Таким образом, иногда убивали целые семьи, устраивая обстрел тонкостенных кучеярских жилищ.

Чтобы стрелять и выпускать стрелы из магазина, достаточно было двигать рычаг туда и обратно, а скорость движений зависела только от стрелка. За пятнадцать секунд можно было выпустить дюжину стрел. Когда тетива опускалась, стрела вылетала из желоба с такой силой, против которой устоять не могло ничто. Она не только пробивала щит, но и насквозь пронзала воина вместе с латами.

Забрав арбалет у Хамны, Арлинг уперся ногой в металлическое стремя в переднем конце ложа и натянул тетиву силой

обеих рук. Кучеярку слабой назвать было нельзя, но женщины заряжали арбалеты все равно медленнее. К счастью, Аллан нашел арбалеты для всех. Пока Арлинг заряжал свой, Хамна и етобар уже начали стрелять. Чудовище чирикало совсем рядом. Потом захрипело еще ближе, но скорость замедлило. Когда Арлинг вскинул свой арбалет и прицелился туда, где раздавалось хрюканье, тварь находилась на расстоянии трех селей, карабкаясь по лавкам и мертвецам с тупым упрямством.

Аллан уже расстрелял свой заряд и заряжал новый, в то время как Хамна еще стреляла. Тварь остановилась, лишь когда присоединился Арлинг, выпустивший весь запас, который он зарядил в рекордно быстрые сроки – за пару секунд. Аллан для надежности метнул в чудовище еще стрел пять, но туша больше не шевелилась. Неведомое нечто растянулось на лавке нижнего ряда, напоминая дикобраза. Из тела торчали шипы, которые тварь не успела в ответ метнуть в противника, вперемишку с тяжелыми стрелами шибанского арбалета.

Арлинг опустил оружие на каменный пол и вытер пораненные ладони о штаны, но кровь так легко было не остановить. Ладони онемели и потеряли чувствительность, а значит, он еще долго не сможет читать. Впрочем, в перспективе время для чтения все равно не наблюдалось. Поранили пальцы и Хамна с Алланом. Впопыхах етобар забыл защитные кожаные накладки, а без них натянуть тетиву арбалета

и не порезать пальцы было невозможно.

Солнце коснулось горизонта и принялось тяжело прятать грузное раскаленное тело в багряных полосках уходящих туч. Арлингу казалось, что оно скрипело, укатываясь в ночь, но то лязгали сломанные петли ворот, откуда явился монстр. А может, тучи давно ушли, освободив небосклон от своего бремени, а у него снова начались галлюцинации. Представлять кровавый, багряный закат было легко. А стоять в окружении горы трупов слишком привычно.

Ветер лениво трусил по арене с покалеченными людьми, которые по законам жизни и смерти должны были быть мертвы. Их сердца не бились, дыхание не вырывалось из глоток. Но он слышал, как они двигают теми конечностями, что остались, и смотрят туда, где стояли выжившие. А выживших было немного. Хамна с Алланом переглядывались, не зная, как им теперь быть, к воротам подходили ученики, удачно спрятавшиеся на время расправы, Арлинг же был поглощен шагами Магды, которые теперь услышал бы везде.

Фадуна остановилась недалеко от ощерившегося стрелами и шипами чудовища. Ветер дул ей в спину, раздувая немногие оставшиеся волосы. Арлинг слышал, как длинный лоскут кожи отошел от руки Видящей и с сухим шелестом болтался в воздухе. Хамна с Алленом настороженно косились в ее сторону, и Регарди понял, что, возможно, лекарь потребуется даже раньше.

– Мы нашли ее по дороге к арене вчера вечером, – нару-

шил молчание етобар. На миг Арлингу показалось, что тот говорил о Магде, но Аллен кивнул в сторону чудовища. – Зверюга еле двигалась, и мы решили, что это какой-то зверь из коллекции Подобного, ведь серкеты держали целый зоопарк. Поместили тварь в отдельную клетку рядом со львами, думали, что, если никто из нас захочет сражаться с... – етобар покосился на Регарди, – в общем, думали выпустить чудовища против убийцы бога. Чтобы задобрить все оставшихся.

– Опоздали, – решительно заявила Магда. – Старых богов здесь нет, а новым жертвы ни к чему. Им просто нужна кровь – без разницы чья.

Видящая произнесла вполне здравые слова, и Арлинг подумал, что, возможно, с ее здоровьем не все так уж и плохо, но он, конечно, льстил – и себе, и ей.

– С такой правдой не поспоришь, – неожиданно согласился етобар. – Кто же это?

Арлинг тоже хотел бы знать ответ. Магду уговаривать не пришлось.

– Мощные челюсти, броня, а какая скорость! – принялась она вдруг расхваливать тварь. – Арбалет не помог бы, если был бы дождь. Гремеры любят воду, ночного дождя хватило, чтобы он проснулся. Солнце забрало его силу, броня истончилась, мы победили.

– Откуда это пришло? – спросила Хамна, оглядывая горизонт. Арлинг тоже слышал звуки, но предпочитал дослу-

шать Видящую до конца. Может, им и грозила новая опасность, но «пума», о которой столько говорила Фадунa там, в пещере, представляла слишком серьезную угрозу. Пора было начинать слушать Магду внимательно.

– Спал в горах, потом хлынули дожди, и он проснулся, – похоже, ясность мысли начинала оставлять Магду. – Это страж. Другие спят глубже, проснутся позже.

– Он принадлежал серкетам? – уточнил Арлинг. – Как тот змей?

Хотелось добавить «которого я убил», но тема была слишком болезненной, чтобы поднимать ее столь рано. Сражаться еще и с Алланом, сил пока не было. Впрочем, етобар пребывал в явной растерянности, оглядываясь на то, что случилось с его товарищами.

– Нет, – решительно покачала головой Магда. – Серкеты о них не знали, иначе не стали бы строить город. А вот ты, – она ткнула пальцем в Арлинга, – знал, поэтому и сидел здесь. Правда, Индиговый?

Трезвых мыслей Фадунy хватало ненадолго.

– А есть другие? – осторожно спросил Регарди.

Видящая предпочла ответить в своем стиле.

– Нельзя оставлять все просто так. Гремеры не убивают до конца. Есть работа, злая, грязная. Нужно все сжечь, – Магда обвела руками арену. – Гремер оставил их гнить, чтобы съесть. А некоторые смогут встать и заразить других, чтобы те тоже начали гнить. Гремеры едят только гнилье. Это

страж готовит кормушку. Завтра пойдут дожди. Тогда всем будет плохо.

– Что ты такое несешь? – возмутилась Хамна.

– Сжечь! – решительно повторила Фадуна.

Арлинг повернул к ней голову, она посмотрела ему в лицо. Первое условие сделки – слушаться Видящую, и Регарди решил, что время сомнений нужно оставить позади.

– Мы с Алланом будем носить трупы с верхних рядов, а ты с учениками приготовишь костер внизу, – распорядился Арлинг, кивнув Хамне. – Сделаем, как сказала Видящая.

Если Хамне что-то и не понравилось, конечно, она промолчала. Халруджи не перечил господину, а молча выполнял его волю.

Все приступили к работе, даже ученики послушались, стоило Арлингу обратить на них внимание. Сам он забрался на самый верхний ряд, чтобы снять повисшего на последней лавке мертвеца. Солнце, наконец, село. Из долины веяло ночной прохладой, но не так, как раньше. Пахло странно – будто он очутился у себя на родине, в Согдариин, но никак не в пустыне. Запаха песка не чувствовалось, зато отчетливо ощущались ароматы леса – прелые, пряные, сочные. Листва была молодой, она источала запах жизни, вытесняя вековое царствие смерти, издревле поселившейся в Карах-Антаре.

Как могли случиться такие перемены всего за три месяца? Почему никто не говорит об этом? Что же произошло?

Он услышал, как суетится внизу Магда, отгоняя учеников

от смолы, которую притащил Аллан, чтобы поджечь трупы. Етобары уходили из Сикелии во всеоружии. Жизнь вместо смерти, трава и деревья вместо песка – нет, не могло это быть связано с исчезновением Нехебкая.

Или он просто не хотел в это верить?

Магда нашла какой-то камень на арене и принялась смеяться, показывая его ученикам. Им всем находка показалась забавной. Голос Фадуны, ее близость, наполняли Арлинга силой, отгоняя сомнения, страхи и слабости. Он ей поможет. У них еще будет будущее. И не в изгнании, какое собирался подарить им учитель.

Мысли об имане заставили нахмуриться. Знал ли он о темном солукрае? Почему не хотел, чтобы Арлинг излечился с его помощью? Возможно, последствия будут трагичными, но пока Регарди не сомневался, что снова обратится к темному солукраю – на этот раз осторожнее. У него еще будет время подумать об этой силе, а пока нужно поскорее увезти Магду подальше. Неважно, сказал ли ему про Самрию Нехебкай или то нашептало его больное воображение, но теперь у него появилась цель, пусть и призрачная. Ему нужно во что-то верить. Он будет верить в Магду. Всегда в нее верил.

Вздохнув, Регарди почувствовал, как болит тело. Не стоило надеяться, что чудесное излечение и три месяца вынужденного покоя обойдутся бесследно, но таким старым он себя давно не чувствовал. Все давалось тяжелее – прыжки, бег,

приемы. Сколько ему сейчас? Сорок или уже больше? Поняв, что не помнит свой возраст, Арлинг решил не заморачиваться. В мире были куда важнее вещи, которые стоило помнить. Он смог зарядить тяжелый шибанский арбалет и не сломать заново ни одну кость, а значит свою часть сделки с Нехебкаем, пусть и вымышленным, выполнит.

Какое твоё третье условие?

Вопрос повис в пустоте. Нехебкай хотел, чтобы Арлинг спас его дочь. Мысль крутилась где-то поблизости, грозя обрушиться своей неотвратимостью. Сильнее дунул ветер, и сапога Арлинга коснулись песчинки, принесенные сквозняком снизу, из долины. Где-то там, под слоем травы, еще пряталась пустыня. Она умирала с каждой каплей дождя, но еще жила. Неизвестные деревья дарили этому месту жизнь, но одновременно и убивали. Гнали керхов и кучеяров, поверивших в то, что со смертью Нехебкай погибла и пустыня, их породившая и вскормившая своими скудными, но тем самым дорогими дарами.

– Твоя дочь, пустыня, находится в беде, – прошептал Арлинг в опустившуюся ночь. – Я найду, как ее спасти.

Третье условие он озвучил сам.

Костер, получившийся из горы мертвецов, полыхал жарко, до небес. Гудел, плевался, шипел. Ученики закрывали лица рукавами, чтобы спастись от смрада, рот и нос Магды Арлинг обвязал шарфом, а потом проделал то же и с собой, оторвав кусок ткани от туники. Етобары – Хамна и Аллан,

ничем лица не закрывали. Их осталось двое, и неважно, что за причины этому способствовали.

Гремер убил не только людей, но и большинство животных, растерзав с десятков верблюдов и лошадей, на которых путешествовали етобары. А вот припасы, оружие и деньги не тронул. Аллан с Хамной сложили все в кучу перед Арлингом и вопросительно на него посмотрели.

– Я пойду с вами, – не спрашивая, но уведомляя, сказал Аллан. – Мир поменялся. Мне тоже придется.

Регарди не был в восторге от того, что к их компании присоединился еще один етобар, но молча кивнул. Права выбирать спутников у него уже давно не было.

– Пойдем в Самрию, – наконец, сказал он.

– Пешком? – уточнила Хамна.

– Нет, с ними.

Арлинг кивнул в сторону каравана, который длинной цепочкой растянулся неподалеку от арены. Он услышал его еще там, на верхних рядах. Караванщики же не могли не заметить их костер и не почуять его вонь. К счастью, смола етобаров горела хорошо, а ветки деревьев, которые притащили ученики имана, помогли огню гореть долго и сожрать все без остатка.

От каравана уже отделилась группа всадников и сейчас въезжала в распахнутые ворота арены. Вероятно, это место было им знакомо, потому что двигались они с осторожностью. Не одни етобары приносили здесь жертвы мертвым и

живым богам.

– Приветствую тебя, достопочтимый сын великого рода Аджухамов, – сказал Арлинг и почувствовал, что его неудержимо тянет поклониться Сейфуллаху. Но ни халруджи, ни господина на этой арене сейчас не стояло, поэтому Регарди заставил себя держать спину ровно. Притянув Магду за талию, он крепко сжал ее и угрожающе повернул голову в сторону двух всадников, державших сабли наголо.

Сейфуллах кивнул охранникам, и те нехотя убрали клинки в ножны, но их напряженные позы говорили о готовности атаковать немедленно. Арлинг даже не хотел представлять, какое зрелище они сейчас наблюдали.

– И я тебя, – ответил Аджухам, но, судя по его ледяному голосу и короткой форме приветствия, видеть их Сейфуллах был не рад.

– Кто это? – спросил он, выбрав из всего странного и непонятного, что наблюдалось вокруг, именно Фадуну.

– Моя женщина, – ответил Арлинг ровным тоном, который предостерег Сейфуллаха от дальнейших расспросов в сторону Видящей.

– А они? – вопрос, очевидно, касался всех остальных.

– Мои люди, – уже спокойнее ответил Регарди, который, наконец, понял, что за сделку заключил с ним Нехебкай. – Мы направляемся в Самрию, и мне кажется, нам по пути.

Глава 6. Недобрая встреча

– Нам не по пути, – сказал Сейфуллах пару часов спустя.

Караванщики остановились, чтобы напоить животных из водоема в оазисе неподалеку от арены, но задерживаться надолго не собирались. Они торопились. Спешка витала в воздухе, словно песок, поднятый самумом до небес. В присутствии чужаков люди из каравана нацепили маски, но верблюды вели себя беспокойно, и не близость долгожданной воды стала причиной их возбуждения.

Мир изменился. Арлинг был уверен, что до его встречи с Нехебкаем в горах Гургарана, ни оазиса, ни водоема, от которого почти ничего не осталось, после того как из него достали воду для верблюдов из каравана, здесь не было. Раньше каждый колодец Карах-Антара бдительно охранялся керхами. Они даже не позволили бы караванщикам приблизиться к заветному источнику, а, договорившись с проводниками, таскали бы воду за плату окольными путями, лишь бы не выдать главного секрета пустыни – питьевого колодца.

Деревья в оазисе были те же, что росли у подножья Гургарана и окружали арену етобаров. Молодые, сильные, они впивались корнями так глубоко в песок, что, казалось, протыкали Сикелию насквозь, черпая влагу из другого мира. Их жесткие, глянцевые листья прекрасно чувствовали себя под

испепеляющими лучами пустынного солнца, в отличие от того же Арлинга, который вдруг понял, что разучился безропотно терпеть жар местного светила.

Хотелось бы верить, что изменился не столько мир вокруг, сколько он сам, но и здесь чувствовалось лукавство. Нехебкай или лекарство имана, или что-то еще, о чем он пока не догадался, вернуло ему силы, исправило покалеченные кости, мышцы и сухожилия, но в целом Регарди ощущал себя так же, как, когда подходил к горам Гургарана, чтобы встретиться с Подобным. Накопленная годами усталость не прошла даже после вынужденного многомесячного покоя в пещере. Тело слушалось, но все чаще намекало, что его силы на исходе. Время у него еще было, вот, правда, сколько именно, оставалось загадкой. Солукрай помогал ему безупречно чувствовать мир, но помочь со временем был не в силах.

Впрочем, если бы Арлинг каким-то чудом узнал о том, что случится – с ним или с миром, он все равно отправился бы к Гургарану. Потому что здесь он встретил Магду, и все остальное поблекло, став миражом в раскаленных песках, который рассеивается, когда на горизонте появляется жизнь. Карах-Антар наполнился ею, но Регарди подозревал, что разочарование близко. Обман чувствовался во всем, что окружало его с момента пробуждения – в деревьях, дожде, глиняной корке, вытеснившей песок с обширных участков пустыни, даже в Хамне с Алленом и уж тем более в Сейфуллахе с его караваном. И только Магда была настоящей. Ко-

гда сознание отказывалось верить в то, что водоем, достаточно глубокий, чтобы напоить такое огромное количество верблюдов, образовался всего за три месяца, расположившись у корней странных деревьев, Арлинг возвращался к Магде, и мир останавливался, прекращая хаотичное вращение.

События последних дней навалились гурьбой, но Видящая позволяла выделить важное. Иман его не убил, хотя было очевидно, что Арлинг выполнил последнюю миссию не так, как нужно было Белой Мельнице. Ему разрешили уйти в почетную отставку, для него приготовили лекарство и даже прислали людей, чтобы они помогли ему с Магдой обустроиться на новом месте. Это был путь логики и здравого смысла. Покалеченный вассхан не мог оставаться в мире, где его знали, как убийцу бога – и не важно, что это не соответствовало правде. «Бывших» либо убивали – в абсолютном большинстве случаев, либо отправляли в ссылку. Чтобы получить такую милость, нужно было отличиться.

Все свои годы службы у имана, Регарди постоянно делал что-то не так. И даже теперь, когда это «не так» стало очевидным, иман предложил ему путь, о котором бывшие убийцы Белой Мельницы могли только мечтать. Только вот Арлинг снова свернул не туда. Сейчас, сидя на коряге неподалеку от новорожденного оазиса и слушая, как проплывает мимо караван Сейфуллаха, Регарди почти не сомневался, что все случившееся с ним, включая невероятно быстрое излечение поврежденных ног, стало следствием темного солукрая, ис-

точник с которым он снова в себе открыл.

Второй раз обошелся меньшими жертвами, но какими же дорогими. Тогда, много лет назад на боях Санагора, он впервые пробудил в себе темный солукрай, который превратил его в мясника. Чтобы примириться с совестью, ему пришлось принять обет халруджи. Многолетнее служение Сейфуллаху не принесло Арлингу искупления. Темный солукрай остался жить в нем, дожидаясь своего часа. Когда он вырвался из него в пещерах Гургарана, пострадало всего шесть человек. Но среди них была Магда, и никакие клятвы или обеты не были способны вернуть Регарди душевное равновесие. Фадунa была больна с рождения, но до сих пор ее безумие помогало ей выживать в суровых краях среди жестоких людей. Серкеты приняли ее за Видящую, поводыря Нехебкая, мифологическую героиню своей религии. Этот образ сохранил Магду до их встречи на вершинах Гургарана. Может, ее умственное расстройство и ухудшалось со временем, но именно темный солукрай Арлинга, вероятно, станет причиной скорой смерти Фадунy.

Регарди прислушался. Магда сидела неподалеку, чудом найдя островок песка на изменившейся земле Карах-Антара. Она раскладывала щепки перед учениками имана, нагребала глину в кучки и рассказывала что-то о вулканах и конце света. Те слушали ее, не перебивая, сидя тихо и послушно. Арлинг решил, что о них пока думать не станет. Его волновала Фадунa. Он слышал, как ветер шелестит по ее сухой ко-

же, отрывая новые лоскуты. Магда была похожа не змею, которая собиралась родиться заново. Вот только под старыми лоскутами новой кожи не было. Там кровоточили раны, многие из которых уже превратились в язвы. Арлинг с Хамной пытались перевязать их, но Магда с упорством срывала все повязки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.